

## Великий канцлер.

Сценарий.

(по мотивам романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова)



*Захламленная, неубранная комната в московской коммунальной квартире на Мясницкой. По разбросанным вещам, по сохранившемуся явно от прошлых хозяев абажуру, по обложкам книг, по внешнему виду человека, сидящего за столом со стаканом давно остывшего чая, и, наконец, по первой странице газеты «Правда», мы понимаем, что это Москва, середины тридцатых годов прошлого столетия.*

*На протертом, знавшем «годы былого великолетия», кресле, и сегодня являющимся единственным украшением жилища, полусидит, полужелжит мужчина. Он медленно, с трудом встает, и мы видим достаточно высокого, лет тридцати трех, и поэтому уже «тронутого» жизнью и сединой, интеллигента, с темными, слегка вьющимися волосами. Нос его - острый, спадающие на лоб волосы и глубоко посаженные глаза лишь подчеркивают болезненную бледность плохо выбритого лица.*

*Его одежда ничем не отличается от той, которую носили в ту пору все непролетарские слои страны, не разделявшие ее на уличную и домашнюю, поскольку она, как правило, была у них одна.*

*Тяжелой походкой, больного человека, он подходит к столу с желанием что-то записать, но останавливается, с трудом разворачиваясь на каблуках белых парусиновых туфель. Видно, что это, «молодцеватое», пришедшее из прошлого, движение отдалось в его голове сильной болью. Он болен и мучительно страдает.*

*Исписанные листы, лежат на обычном кухонном столе (другого - нет) ровной стопой, что явно контрастирует с общим бедламом в комнате.*

*Мастер, а это он, снова садится в кресло и с неосознанной нежностью, кладет на пачку бумаги свою большую руку. Он внимательно всматривается в первый, поднятый им, лист. Затем чисто механически берет ручку, обмакивает ее перо в чернила и замирает, как рыбак, с наслаждением ждущий поклевки в годами прикормленном месте.*

*Мастер не читает, он даже смотрит выше страницы - он погружается в другое измерение... Боль его уходит, и мы впервые видим его настоящее, не омрачаемое полугримасой боли, лицо.*

*Губы его медленно раскрываются, и мы слышим его бархатный голос, он прекрасен:*

*-В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в*

крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат...

*Иудея, дворец Ирода Великого, первый век нашей эры. Прокуратор, скрывая боль, но при этом, стараясь как можно меньше шевелить головой, садится в кресло, стоящее в тени, на мозаичном полу. Молча, Пилат протянул руку в сторону, и секретарь почтительно вложил в нее кусок пергамента. Прокуратор искоса, бегло проглядел написанное и с трудом сказал:*

-Приведите обвиняемого.

*Двое легионеров ввели и поставили перед прокуратором человека тридцати трех лет, со связанными руками и следами побоев на очень обыкновенном лице, выражающем тревожное любопытство.*

*Понтий Пилат, пытаясь замереть от раздирающей его боли, тихо спросил:*

-Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?

-Добрый человек! Поверь мне...

*-Ты жестоко ошибаешься – я не добрый. Здесь все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно. Не меняя монотонности своей речи, Пилат добавил:*

-Крысобоя ко мне.

*И хотя вызванный появился почти мгновенно, движения его были неторопливы, если не ленивы. Понтий Пилат, едва скосив глаза на огромную тень, которую принес с собой вошедший, сказал:*

-Преступник называет меня «добрый человек». С одного удара объясни ему, как надлежит разговаривать с прокуратором Иудеи.

*Глубоко вздохнув, экзекутор взял из рук стоящего конвоира плеть и, несильно размахнувшись, небрежным и легким движением ударил арестованного по плечам. Связанный мгновенно рухнул. При этом удар не исчез, он продолжался в звуке, напоминающем тот, что издает маленький гонг. Одной рукой Крысобой поставил свою едва живую жертву на ноги, и неторопливо произнес:*

-Римского прокуратора называть – игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня?

***И он ударил второй раз.***

*Повторился тот же звук. Этот звук – сигнал для перехода в иное измерение. Снова возникает московская комната Мастера. Мастер открывает глаза, в которых нет ничего кроме смятения. Он лихорадочно перебирает свои исписанные листки, постоянно повторяя:*

-Нет, не может быть. Один удар, удар был один!

*Звук повторяется вновь, и Мастер вздрагивает от него, как будто ударили его. Он с лихорадочной поспешностью, одними глазами ищет его, как теперь ему стало понятно, материальный, источник звука.*

*Мастер находит то, что искал - в проеме приоткрытой двери стоит Аннушка по прозвищу «Чума». Это женщина с носом, который и формой – толстый, и цветом – фиолетовый, контрастирует с ее подтянутым небольшим тельцем с маленькой головкой, перевязанной красной косынкой. В руках ее большой медный бидон, по которому она бьет крышкой, пытаясь привлечь внимание ее, как она считает, спавшего соседа. Говорит она в тон своему импровизированному бубну, пытаясь придать писклявому голосу нотки превосходства и ехидства, сохраняя при этом осторожность исконно присущую русской бабе, встречающей образованного человека:*

-Ну, чего очухалсялись?

-Фу...Аннушка, ты меня напугала. Можно ли так, бесцеремонно...

*Лицо Аннушки мгновенно меняется: ее обидели, более того – оскорбили:*

-Чего-чего, без чего? Сам ты без мондный! За своей бабой смотрел бы лучше, чего она грязную посуду на мою часть подоконника ставит?

-Господи!

*Аннушку уже несет:*

-Чего господи, нет никакого господи, а вот баба твоя от меня морду воротит, а сама с хахалем из пятидесятой квартиры по машинам таскается. Я истинную правду говорю...

*Рука Мастера ищет рукопись, находит ее, и гнусавые эскапады Аннушки-Чумы теряют силу, переходя в отчетливые голоса героев его книги.*

*Прокуратор болезненно насмешлив:*

-Зачем же ты, бродяга, смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

*Иешуа как будто бы и не отрывал рта, а Пилат отчетливо услышал:*

-Истина, прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь... Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.

Мастер прислушался к себе: голова не проходила. А Аннушка-Чума пилила и пилила своим писклявым голосом:

-Мне что, мне не трудно, я и говорю, что там все всегда видно. Вот и этот, который из пятидесятой квартиры, он тоже думает, что никто ничего не замечает. Кобель он поганый, кажый день пьянящий в хлам. Хотя опять же при машине и шофер есть. Ну и фамилия его срамотная - Лиходеев. Боженька его накажет.

-Ты же говоришь, что Бога нет - сказал Мастер устало, неожиданно для себя осознав, что так завяжется дискуссия и источник Аннушкиного красноречия не иссякнет никогда.

-Бога нет – очень уверенно отрапортовала Аннушка, – об этом везде говорят, а боженька есть. Он все видит и шельму метит.

Аннушка направилась, было к выходу и от одной мысли о том, что пытка кончается, Мастеру стало легче.

*Боль Пилата ушла, как будто её и не было. Он впервые без напряжения и раздражения посмотрел на арестованного.*

*А тот, благожелательно поглядывая на Пилата, говорит:*

- Ну вот, все и кончилось, и я чрезвычайно этому рад. Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе. Гроза начнется, - *арестант повернулся, прищурился на солнце,* - позже, к вечеру. Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы тебя. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека.

-Беда в том, - *продолжал никем не останавливаемый Иешуа,* - что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Твоя жизнь скудна, игемон, - *и тут говорящий позволил себе улыбнуться.*

*Осознав сказанное арестантом, секретарь прокуратора смертельно побледнел и уронил свиток на пол, от чего раздается звук, который мы уже слышали – это коварная Аннушка продолжает стучать в свой импровизированный «инструмент». К Мастеру вернулась вся сила, отступившей было боли, Аннушка «плывет» в его глазах. Она же воспринимает его состояние по-своему - она глубоко возмущена невниманием Мастера. Аннушкина задача - «задеть» его как можно больнее.*

-Да что это с вами такое, неужто так убиваешься? – *Голос Аннушки стал противно приторный.* - Не стоит она того. Хахаль ейный, как из машины вывалился, так и говорит ей: «Я к вам завтра в полдень в гости приду» и целоваться лезет. А она ему: «Нет, нет, меня дома не будет». А сама так и льнет к нему, так и льнет. Вы бы приглядывал за бабой своей, а то срамота одна и форменное безобразие!

-Не за кем мне приглядывать, нет её, ушла она ... совсем ушла. Аннушка, прошу тебя, и ты уйди, Христа ради! – *Мастер испытывает нестерпимую боль, болтовня соседки проходит мимо его сознания. Цель Аннушки не достигнута, но у нее есть сильное средство:*

-Я про между прочим тебе ...вам...там... повестку ...принесли.

-Какую еще повестку?

-Понятно, какую, бумажную.

-Где она?

*Аннушка кладет на край стола бумагу. Мастеру надо встать и дотянуться до нее, выполнив это трудное для него упражнение, он двумя пальцами берет повестку и растерянно читает, пытаясь сосредоточиться. Мешает боль, мешают и Аннушкина болтовня.*

-Вот! Смотри, я за вас расписалась подписью и теперь в свидетели пойду ежели чего ...ну, ты... не явитесь.

-Куда явитесь?

-А я почему знаю? Куда надо... Зря-то, понятно, само собой, не вызовут. Ты мне, того, поклянись, что пойдете...

-Что!!! – в глазах Мастера гнев. Аннушку, как ветром сдуло.

*Развязанный Иешуа потирает затекшие руки:*

-Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? - Иешуа едва ли не насмешливо смотрел на Пилата.

-Ну, хотя бы жизнью твоею, - ответил прокуратор, - ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

-Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон? - спросил арестант, - если это так, ты очень ошибаешься.

*Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:*

-Я могу перерезать этот волосок.

-И в этом ты ошибаешься, - светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, - согласишься, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

*Мастер выходит из подъезда на раскаленный летним московским солнцем двор. Он щурится и оглядывается, заслоняясь рукой, пытаясь понять, куда ему идти. Он достает из кармана брюк сложенную повестку, расправляет её, и мы можем прочитать то, что в ней написано:*

**Для подготовки обсуждения Вашего романа о Понтии Пилате на активе творческой интеллигенции города Москвы, предлагаю явиться, в помещение МАССОЛИТа... (далее не видно)**

**Председатель правления Берлиоз М.А.**

*Старинный двухэтажный дом кремового цвета на Бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара резной чугунной решеткой. Мастер заходит в дом, проходит мимо извещений разных спортивных кружков и групповых, а также индивидуальных фотографий членов МАССОЛИТа на лестнице, мимо которых он поднимается на второй этаж.*

*Двери второго этажа многозначительны: «Рыбно-дачная секция», с карасем, попавшим на уд, сменяется дверью, ведущей в царство «Одnodневной творческой путевки». Затем дверь «Перелыгино» и здесь*

взгляд обращается к другой – «глухой» стене, которую подпирает очередь, идущая от швейцара. Она упирается в дверь с вывеской «Квартирный вопрос».

Из «квартирной» очереди, как из полноводной реки выползают протоки, упирающиеся в двери с вывесками «Полноценный творческий отпуск» и далее меню: «От двух недель (рассказ – новелла) до одного года (роман, трилогия)». К этому месту очередь явно редела, в ней стояло человек полтора.

А затем в кабинете, больше похожем на зал, почти подобный тому месту дворца Ирода Великого, где вел дознание прокуратор Иудеи Понтий Пилат, восседает председатель МАССОЛИТа Михаил Александрович Берлиоз.

Через полуоткрытую дверь, Мастер заходит в кабинет-зал, не обратив на себя внимания Берлиоза.

Берлиоз – сорокалетний шатен с солидной лысиной и остатками волос, разместившимся в жидкий кружочек - под «падре», одетый в серенькую летнюю пару, мал ростом, упитан, аккуратно выбрит, в очках черной роговой оправы сверхъестественных размеров.

-Понимаю, вижу, - говорит Берлиоз в телефонную трубку, напоминающую свиток, который мы недавно видели в руке Понтия Пилата:

-Я сам предлагал использовать иные формы морально-нравственного воздействия, но...

Мастер, услышав и кажется поняв, по обрывкам фраз, суть телефонного разговора, вспоминает.

Понтий Пилат спускается по ступеням Дворца Ирода Великого. Рядом с ним первосвященник Каифа.

-Я разобрал дело Иешуа Га-Ноцри и утвердил смертный приговор, - сказал Пилат. - Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, кроме того, этот Иешуа Га-Ноцри. Первые двое, вздумавшие подбивать народ на бунт против кесаря, взяты с боем римскою властью, числятся за прокуратором, и, следовательно, о них здесь речь идти не будет. Вар-равван и Га-Ноцри, схвачены властью местной и осуждены Синедрионом. Согласно закону и обычаю, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника пасхи. Поэтому, я желаю знать, кого из двух преступников намерен освободить Синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцри?

Каифа склонил голову в знак того, что вопрос ему ясен, и ответил:

-Синедрион просит отпустить Вар-раввана.

-Признаюсь, этот ответ меня удивил, - мягко заговорил прокуратор, - боюсь, нет ли здесь недоразумения. Подумай первосвященник, в данном

случае налицо явная ошибка. Преступления Вар-раввана и Га-Ноцри совершенно не сравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Ершалаиме, то первый отягощен гораздо больше. Мало того, что он прямо призывал к мятежу, но он еще убил стража при попытках взять его. Без сомнения, Вар-равван гораздо опаснее, нежели Га-Ноцри. Итак?

*Каифа прямо в глаза посмотрел Пилату и тихим, но твердым голосом сказал:*

-Синедрион внимательно ознакомился с делом, и вторично сообщает, что намерен освободить Вар-раввана.

-Как? Даже после моего ходатайства? Ходатайства того, в лице которого говорит римская власть? Первосвященник, повтори в третий раз.

-И в третий раз мы сообщаем, что мы не освободим Га-Ноцри, - *тихо сказал Каифа.*

*Берлиоз тихо, вкрадчиво продолжает, его речь не прерывали мысли Мастера:*

...увы, не все в моей власти. Так что обсуждение всенепременно состоится и милости просим на актив... Да, да – в Доме культуры партийных работников. *Пауза.* В большом зале, завтра вечером, в шесть. Всего вам доброго...

*Трубка все еще в руке, а взгляд Берлиоза останавливается на неизвестно как возникшем перед ним человеке. Берлиоз неожиданно для себя осознает, кто и зачем к нему пришел и, не понимая, как Мастер здесь появился, на мгновение испытывает приступ беспричинного страха. Мысли понеслись короткие, бессвязные: «Погиб!», потом: «Погибли!..» Но это ощущение быстро проходит, трубка еще минуту назад зажатая в потном кулачке положена на рычаг. Берлиоз на секунду принимает позу агрессии: он внутренне негодует, он обижен и возмущен вторжением без должных церемоний, но..., видимо передумав, тут же надевает маску искреннего радушия.*

-Крайне рад видеть, присаживайтесь. Спасибо, что посетили. Много наслышан, но все не было времени, да и случай не приходил познакомиться лично.

*Они одновременно садятся. Берлиоз продолжает:*

-Но роман ваш о Понтии Пилате прочитал и скажу прямо – незаурядное произведение.

-Спасибо.

*Мастер через стол протягивает Берлиозу повестку. Тот мельком взглянул на бумагу, тень неудовольствия пробежала по лицу Берлиоза, как будто его уличили в чем-то неприличном и предосудительном.*

*Повестка. Он и забыл о повестке. Она меняет дело. Тон Берлиоза становится жестче:*

-Спасибо? М...да... Роман получился действительно такой презанятнейший, до самой, пожалуй, верхней степени, что мы решили

обсудить его. Так сказать, на широком круге. Приглашаем творческий актив столицы.

-А что, актив тоже прочитал роман?

*Вопрос вполне уместен, но адекватного ответа у Берлиоза нет. Он невольно морщится:*

-Нет... то есть не все...

*Но тут он находит выход из этого щекотливого положения. Берлиоз добавляет в разговор немного любезности:*

-Вот там, на активе, мы и решим, стоит ли его читать всем.

*Мастер не ожидал такого поворота событий. Он растерян:*

-Простите, не понимаю – чем вызвано такое повышенное внимание к моей скромной персоне.

-Охотно допускаю, что персона вы скромная, - *Берлиоз внимательно, уже не таясь, рассмотрел Мастера* - но роман написали далеко не скромный...вызывающее, знаете ли, произведение.

*-??? На лице Мастера написано совершенно искреннее недоумение.*

*А Берлиоз продолжает, разливаясь соловьем:*

-Не скромничайте. Ваш роман ничем не уступает книге Фредерика Фарара «Жизнь Иисуса Христа». Кроме того, в нем я чувствую глубокое влияние Жозефа Ренана и не удивлюсь тому, что его «История происхождения христианства» - ваша настольная книга. Но для меня весьма занятным показалось то, что вы дали своему герою имя, взятое из Талмуда. Вы ведь не могли не знать, что Иешуа Га-Нойцари переводится., как «изгой из Назареи». Вы сами не еврей?

*Бегло, еще раз, оценив лицо Мастера на принадлежность к семитам, и не давая ответить, продолжает:*

-В прочем не важно. Облик героя в романе, скажу прямо, вы тоже во многом позаимствовали в Талмуде. Занятно. Занятно...

*Берлиоз опрокидывает с сторону Мастера ладонь правой руки, как бы выкладывая припасенный «убийственный» довод:*

-А ведь евреи говорили об Иисусе с презрением. Он по их писаниям – сын блудницы и сирийца.

*Берлиоз заложил руки за спину и начал ходить по кабинету и, доходя до предела, поворачивается на цыпочках, как все, кто малы ростом и велики самомнением.*

-И от меня не ускользнула эта деталь: у вас в романе на вопрос Понтия Пилата: «Кто твои родители?», Иешуа отвечает: «Мой отец был сириец».

*Берлиоз увлекся, он в своей стихии, он «на коне».*

-А раз так, то это именно он, тот самый самозванный пророк из глубинки, который, как написано в Талмуде, был не только отвергнут со всеми своими идеями, но и осмеян народом. Это важно. Очень, очень важно!

-Почему?



-А потому, что вы задели материи тонкие и крайне сложные. Подобно вашему герою вступили на весьма опасный путь... Не забывайте: он был отвергнут и осмеян!

*Берлиоз мгновенно преображается. Вся любезность исчезла, как будто ее никогда и не было. Он становится похож на разгневанного прокуратора. Берлиоз резко меняет и тему, и тональность разговора. Теперь он говорит, особенно четко артикулируя:*

-А что у вас написано о власти?

*Кабинет Берлиоза мгновенно трансформировался в Дворец Ирода Великого. Лицо прокуратора грозно, как только что было грозно лицо Берлиоза, но и его глаза тревожны.*

-Отвечай! – почти кричит Пилат.

-Правду говорить легко и приятно, - *оживился арестант.*

*Прокуратор едва не задохнулся от гнева.*

-Мне не нужно знать приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить. Но взвешивай каждое свое слово.

*Понтий Пилат послал в своем взгляде какую-то мысль, которую он хотел внушить Га-Нойцари.*

- Так что ты говорил о власти? Или ты ответишь, что ты забыл? – *в тоне Пилата звучит безнадежность.*

-Я говорил, - *почти весело рассказывает арестант,* - что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти, никакой власти. Человек перейдет в царство свободы и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

-На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной власти, чем власть, - *и это уже не Пилат, это – звучащий набатом голос Берлиоза,*

- ...освобожденного пролетариата!

*Но Пилат тут же возникает вновь, он не кричит, он надрывно рычит:*

-... власть кесаря!!!

*И с этого момента одновременно в головах Мастера и Берлиоза начинается череда сменяющих друг друга исторических деятелей, веско утверждающих свой вариант живородящего источника «великой и прекрасной власти»:*

- Денег!
- Народа!
- Большинства!
- Силы!
- Добра!
- Крови!...

*Берлиоз итожит, пафоса в его словах уже нет, есть назидание:*

-Единственно научная теория общественного развития говорит нам о неизбежной победе в мировом масштабе именно общества основанного на власти в её высшей форме, а именно - диктатуре пролетариата.

*Мастер не выдерживает, он прерывает Берлиоза:* – Помилуйте, моя книга не о форме власти, она об ином.

*Мастер мучительно ищет слова, он никогда не предполагал, что ему придется вот так, на скорую руку, определить квинтэссенцию своего романа. Он понимает, что это невозможно, глупо, даже пошло, как осознает и то, что это сейчас жизненно необходимо.*

-Она - о другом..., но она и о том, как власть уродует людей, - *Мастер импровизирует на ходу*, - превращая их в машины, действующие вопреки законам человечности...

*Берлиоз скосился на Мастера и хмыкнул.*

-Вы, возможно, будете крайне удивлены, но я это понял. Как понял я и то, что в вашем лице мы имеем дело с редким специалистом.

*Берлиоз плавно перешел в стадию поучений.*

-Но, как известно, специалист подобен флюсу – полнота его одностороння. Увлекаясь темой истоков христианства, надобно было не поленившись обозреть факты современности и явления глобального свойства. Уж если вы прочитали Флавия, Тацита, Филона Александрийского, Евангелие от Иоанна и Талмуд и еще Бог – *тут Берлиоз поперхнулся, но не сообразив, чем можно заменить в своей тираде слово «Бог» и не найдя способа исправиться, продолжил*, - знает что, то могли бы потратить свое – *язвительно – драгоценное* время и на изучение трудов классиков марксизма.

-А они то тут при чем?

-А при том, что этот мифический изгой из Назареи, по вашей милости рассуждает о неизбежности отмирания государства.

-И вы видите в этом что-то плохое?

-О, Господи! Быть интеллигентом вовсе не значит обязательно быть идиотом... Плохо для вас лично то, что это гениальная мысль принадлежит великому Ленину.

*Берлиоз вновь осознанно нагнетает, пыжится, изображая из себя вселенскую величину.*

-Вы предлагаете нам поверить, что вождь мирового пролетариата лишь повторяет этот, несомненно, краеугольный принцип научного коммунизма вслед за вашим... - *на секунду задумался, подбирая слово*, - вами придуманным лжепророком. Из всего вами написанного совершенно явно следует, что Ленин приписал себе авторство этой гениальной идеи. А это, как вы, несомненно, понимаете – пла-ги-ат. Вы об этом хотели написать? Конечно, - *Берлиоз разросся в своих глазах*, - не каждому читателю вашего - *с издевкой* - произведения хватит образования и опыта для того, что бы глубоко разобраться в вашем пасквиле, оскорбляющем память всеми нами любимого Владимира Ильича. – *и очень зло:* - Вы на это рассчитывали?

-Я уже говорил – эта книга совсем про другое, это невозможно не понять. Охотно понимаю, что моя книга может не нравиться, но написанное... – *Мастер растерян.*

*Берлиоз, не давая договорить, резко:*

-Что бы вы там ни написали, я ваших мыслей не разделяю.

*Мастер до этого момента искренне не понимал причину и повод для беседы, ему был не понятен источник, питавший гнев Берлиоза. Но его последние слова заделли Мастера, он как бы прозрел, очнулся.*

-Вы, очевидно, очень погорячились, Михаил Александрович, - *голос Мастера ровен и ничто не говорит о его волнении* - есть то, в чем мы все едины - всякий человек в глубине души совершенно естественно присоединится к мысли о конечном торжестве добра. И в этом живущие на Земле едины. Вы не найдете в этом мире примеров рафинированного зла, чистого зла. Нет в нем абсолютного зла, зла во имя зла. Это прекрасно понял Гете. Вы, конечно, помните этот диалог Фауста и Мефистофеля:

-...так кто же ты, наконец?

- Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо.

*Берлиоз понимает, что его молчание может быть истолковано, как слабость. Ему нужно что-то сказать, развеять очарование логики мастера.*

-Да, да, конечно, эта мысль у вас доведена до абсурда: и убежденный палач, и разбойники, и грязный предатель Иуда – все это исчадие ада у вашего героя – добрые люди. Кто же тогда те, кто на самом деле делает добро?

*Мастер ни мало не смущен такой отповедью, все это давно им продумано и понято.*

-Самый последний человек, хотя бы тот же Иуда, совершая подлость, ищет себе оправдание в добре, которое хотел бы и, как он искренне считает, мог бы совершить, наконец, в любви, которая есть и у него. Именно потому мой герой называет его добрым человеком.

*Мастер на минуту замолкает, Берлиоз не решается прервать его.*

-Так устроена жизнь – нам не дано знать, чем наше слова и дела отзовутся, не ведаем мы: добро мы вершим в данный момент или зло, а уж что вымощено благими намерениями вам-то хорошо известно. Наказывая дитя за проступок, мы искренни в желании ему добра, а, потакая его капризам и слабостям, мы совершаем зло. Но так ли думает ребенок? И вы, как мне представляется, сегодня, сейчас, разговаривая со мной, искренне уверены в том, что сеете доброе и вечное...

*При слове «вечное» Берлиоза почему-то передернуло. Мастер, до этого сидевший на стуле, встал.*

-Есть ли в таком случае критерий, отличающий порок от добродетели и определяющий выбор жизненного пути? - спросите вы меня, и я отвечу – он есть, он был и у нас. Любовь к Богу – вот то, что в веках чертило границу между добром и злом.

*Мастер посмотрел на Берлиоза так, как будто увидел в нем что-то новое.*

-Сегодня вам это стало мешать, вы считаете, что нашли новых богов...

*Берлиоз не может молчать, он крайне раздосадован и раздражен, хотя и старается это скрыть:*

-Здесь вы глубоко ошибаетесь. Это христиане свергли старых богов. Разве не князь Владимир, крестя Русь, сбросил Перуна в Днепр? Это в истории христианской религии мы видим множество примеров её утверждения огнем и мечем.

*Берлиоз передохнул, что бы собраться с мыслями.*

-А все что вы тут говорите - это чистейшей воды поповщина: сегодня к нам это не имеет никакого отношения: коммунисты преодолели и богоискательство, и богостроительство. Мы не меняем богов, мы их полностью отрицаем, поскольку мы - атеисты, и завтра вам все это подробненько и доходчиво объяснят.

*Отповедь Мастера задела Берлиоза и не получил он того эффекта от беседы, которого ждал. Поэтому, совершенно неожиданно для самого себя, он воспользовался коварным ударом:*

-Кстати, читали ли вы статьи Афиногенова и Кирсона? Видели ли вы развернутый отзыв на вашу книгу товарища Латунского в «Вечерней Москве»? Обязательно ознакомьтесь, лучше с карандашом в руках, так вам многое станет понятным.

*Мастера передернуло:*

-Читал я эти ... произведения...

*Запал Мастера мгновенно исчез, он очень устал и тихо обращается к Берлиозу:*

- Михаил Александрович, не могли ли вы отменить намеченное собрание, мне кажется, что продуктивной дискуссии не получится, я чувствую, что меня хотят уничтожить. Да и со здоровьем у меня не все в порядке.

*Лицо Берлиоза исказилось судорогой... и это уже лицо Понтия Пилата.*

-Ты полагаешь несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место? И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись!

*-Игемон...,- прошептал Иешуа.*

*-Молчать! – вскричал Пилат и бешеным взором проводил ласточку, вспорхнувшую на балкон. – Ко мне! – крикнул Пилат.*

*Огромная дверь в кабинет Берлиоза приоткрылась и плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный, двадцати трех лет, в ковбойке, белых*

*брюках и черных тапочках, в заломленной на затылок клетчатой кепке, протиснулся ровно наполовину в кабинет.*

*-Михаил Александрович! Вы мне на шесть назначили.*

*-Бездомный? – Берлиоз посмотрел на часы, висевшие на стене, потом на Мастера, о чем-то коротко задумался и решил. - Подожди, Иван. - Берлиоз тут же передумал - Ладно...Пойдем. - Обращаясь к Мастеру. – Итак, встретимся завтра в ДК партработников, в восемнадцать ноль - ноль. Хотя вам надо бы быть немножечко пораньше.*

*Большая комната с белыми стенами, с удивительным ночным столиком из светлого металла и белой шторой, за которой чувствуется солнце.*

*На мягчайшей, чистойшей и удобной пружинной кровати лежит Иван Бездомный. Он потряс перевязанной головой, на секунду прислушался к своим ощущениям и с нескрываемым интересом стал разглядывать кнопку звонка рядом с собою. Нажав ее, он увидел, что загорелся матовый цилиндр, где было написано: «Пить». Потом цилиндр начал вращаться, показывая надписи «Няня». «Вызовите доктора», «Фельдшерица». На этой надписи Иван нажал кнопку второй раз, цилиндр потух и в комнату вошла полная симпатичная женщина в белом чистом халате.*

*-Доброе утро!*

*Иван не ответил. Женщина нажала какой-то рычажок и увела штору вверх, и в комнату через легкую решетку хлынуло солнце. За решеткой открылся большой балкон, а за ним берег извивающейся реки и на другом берегу – веселый сосновый бор.*

*-Пожалуйста ванну брать, - пригласила женщина, и под руками ее раздвинулась внутренняя стена, за которой оказалось прекрасно (по меркам первой трети прошлого века) оборудованная ванна.*

*Иван опешил:*

*-Ишь ты! Как в Метрополе.*

*Женщина понимающе улыбнулась - О, нет! Лучше. Такого оборудования нет нигде за границей. К нам каждый день приезжают и осматривают клинику врачи. – Гордо - И интуристы бывают.*

*При слове «интуристы» Ивана перекосило, он пробурчал какое-то ругательство и отправился проверять воду в ванной, бубня себе под нос:*

*-Всех ваших интуристов собрать и отправить на Соловки.*

*Мысль Ивану понравилась, настроение улучшилось и, залезая в ванную, он что-то умиротворенно мурлыкал.*

*Вымытый и переодетый Иван, обернулся на звук открываемой двери. В нее вошло много народа в белых халатах. Впереди всех шел тщательно обритый «под ноль» человек лет сорока пяти, с приятными, но очень пронзительными глазами и вежливыми манерами. Вход его получился очень торжественным. Он сел на табурет, а все остальные остались стоять.*

*-Доктор Стравинский, - дружелюбно представился усевшийся Ивану.*

-Вот Александр Николаевич, - *негромко сказал молодой человек с опрятной бородкой и подал главному раскрытую папку. Он обменялся с присутствующими несколькими фразами по латыни.*

-Славно, - *сказал Стравинский, возвращая папку.* – Вы поэт?

-Поэт, - *мрачно ответил Иван.* А вы – профессор?

*Стравинский предупредительно вежливо наклонил голову.*

-Вы здесь главный? – *Стравинский поклонился снова.*

-Мне с вами это... говорить надо, - *многозначительно сказал Иван.*

-Я для этого пришел.

-Дело вот в чем...меня в сумасшедшего вырядили, и никто не желает меня слушать.

-О нет, мы выслушаем вас очень внимательно, и рядить вас в сумасшедшего не позволим. А почему вас доставили к нам?

-Да, черт возьми, этих олухов! Схватили, связали какими то тряпками и поволокли в грузовике.

*Стравинский вновь взял папочку, посмотрел в нее и спросил:*

-Вы, почему в ресторан пришли в одном нижнем белье?

-Все просто – вспотел в бегах и пошел купаться на Москву-реку, ну и попятели мою одёжу, а эту дрянь оставили! Не голым же мне по Москве идти! Надел то, что было, потому что спешил в ресторан ...

-Да, понятно - *сказал Стравинский,* - а почему так спешили? Свидание деловое?

-Консультанта-интуриста я ловлю, - *ответил Иван и тревожно обернулся.*

-Так интуриста или консультанта?

*Бездомный не ответил на этот вопрос, и провел рукой с таким видом, что становилось понятно - все предыдущее он отменяет и начинает разговор с самого начала:*

-Вы Берлиоза знаете?

-Это, который...композитор?

-Какой там композитор? Ах да... Да нет! Композитор ваш – это однофамилец Миши Берлиоза.

*Иван на минуту затих, потом встрепенулся, и вновь начал, как будто с «чистого листа».*

-Да послушайте же: вчера вечером мы с Берлиозом на Патриарших прудах встретились с таинственной личностью. Иностранцем не иностранцем – не понял. Он с нами о боге и о сатане разговаривал, руки нам жал, когда узнал, что мы с Мишей – атеисты, но самое главное – *Бездомный перешел на шепот* - он заранее ведал, что Мишу задавит трамвай. И еще он утверждал, что сам, лично видел Понтия Пилата.

-Пилата? Пилат, Пилат... это тот, который жил при Иисусе Христе? - *щурясь на Ивана, спросил Стравинский.*

-Совершенно точно, того самого.

-Ага, - *сказал Стравинский,* - а этот Берлиоз, как вы считаете, погиб под трамваем?

-Чего тут «считать», если его вчера при мне и зарезало трамваем на Патриарших, причем этот самый загадочный интурист...

-Знакомый Понтия Пилата? – *спросил Стравинский.*

-Именно так. Он перед этим нам с Мишей сказал, что Аннушка разлила подсолнечное масло как раз на том месте,...где Берлиоз и поскользнулся! Как вам всё это нравится?

*По лицу Стравинского видно, что ему это не нравится: ни всё, ни по частям, он явно сочувствовал Ивану.*

-А кто же эта Аннушка?

-Почем я знаю? – *отмахнулся Иван* - Она тут совсем не причем. Черт знает кто она такая, просто дура местная. Важно то, что этот знакомец Понтия Пилата **заранее** (*это слово Иван особо выделил*) знал про подсолнечное масло! Знал! Понимаете?

-Отлично понимаю, - *очень серьезно сказал Стравинский и коснулся колена поэта:* – Продолжайте.

-Продолжаю. Так вот этот страшный тип, а он врет, что он немецкий консультант, обладает какою-то необыкновенной силой... Например, за ним погонишься, а догнать его нет никакой возможности... И парочка с ним шляется – то же хороша, но опять же в своем роде: один - длинный в пенсне с битыми стеклами и еще черный кот размера невероятного. Да что там – эта котьяра самостоятельно в трамваях ездит...Мишу, конечно, они убили. Ведь это что же такое? А? Их надо немедленно арестовать, а то эта троица бед наделает неопишуемых...

-Так вот, если я вас правильно понял, вы добиваетесь, что бы консультанта, высокого гражданина и огромного кота арестовали?

-Совершенно правильно! И как же не добиваться, вы подумайте сами! А между тем меня силой задерживают, тычут, чем попало в разные места, лампой светят и про алкоголика дядю Федора – покойника расспрашивают...

*Иван приосанился:*

-Я требую, что бы меня немедленно выпустили.

-Ну что же, славно, славно! - *Стравинский отстранился от Ивана.*

-Вот все и выяснилось. Действительно, какой же смысл задерживать в больнице здорового человека? Хорошо-с. *Стравинский хлопнул себя по коленям:*

-Я вас сейчас выпишу, если вы мне скажете, только скажете, что вы нормальны. Итак, вы нормальны?

*Наступила тишина, Иван морщил лоб и, очень подумав, сказал твердо:*

-Я - нормален.

*Стравинский облегченно вздохнул и улыбнулся Ивану и присутствующим.*

-Вот и славно! А если это так, то давайте рассуждать логически. Возьмем ваш вчерашний день, - *Стравинский протянул руку и ему вложили*

*все ту же папочку.* - Какие меры вы приняли, что бы поймать убийц Берлиоза?

*Иван вспоминал:*

-Пробегая за ними, взял на какой-то кухне свечечку...

-Вот эту? – *спросил врач, указывая на услужливо представленную изломанную венчальную свечу, лежащую в никелированной посудине рядом с иконкой.*

-Эту самую, и...

-А иконка зачем?

-Ну да, иконка...- *Иван покраснел,* - иконка-то больше всего их и испугала, но дело то в том, что этот интурист, который консультант без сомнения с нечистой силой знается ... и так просто его не поймаешь.

-Так вы верующий?

*Иван встрепенулся и четко, не задумываясь, отрапортовал:* - Атеист. Потом подумал и добавил: - Был.

-А сейчас? – *Стравинский давал Ивану подумать.*

*Глаза Ивана были растерянными и кажется влажными.*

-Теперь и не знаю...

-Итак, вчера в процессе поиска неизвестных вам особ, вы сорвались с забора и повредили лицо.

*Стравинский искоса посмотрел на Бездомного, убедившись, в том, что следы произошедшего на его лице действительно присутствуют.*

-А затем с иконой, приколотой булавкой и зажженной свечей в руке, вы в грязном нижнем белье явились в ресторан, где и побили кого-то.

*Иван горемычно кивнул головой:* - Было.

-Вас связали и привезли сюда. Но после того, как вас развязали, вы звонили в милицию и просили прислать пять мотоциклетов и непременно с пулеметами, а затем сделали попытку выброситься из окна. Так это было?

*Иван погладил забинтованное на голове больное место:* - Так.

-Вы желаете уйти отсюда. Хорошо.

*Стравинский хлопнул папочку и, не глядя, передал её назад в заботливо подставленные ладони.*

-Но позвольте поинтересоваться, куда вы направитесь?

-Конечно в милицию, - *сказал Иван, будучи уже не совсем тверд в своем намерении.*

-А на квартиру к себе не заедите?

-Да некогда тут заезжать! Пока я по квартирам буду разъезжать, консультант и улизнет.

-Так. А что вы в милиции скажите?

-Все как есть и скажу.

-И про Понтия Пилата?

-И про Пилата.

-Прекрасно. Федор Васильевич, - *Стравинский обернулся к застывшей в молчании свите,* - выпишите гражданина Бездомного в город,



но палату его не занимать, постель не менять, часа через два милиция нам его вернет.

-С чего бы это? – *Иван надулся.*

-А с того, что как только вы явитесь в грязных кальсонах в милицию и скажите, что виделись с человеком, лично знавшим Понтия Пилата, вас немедленно привезут в наше заведение.

-При чем тут кальсоны?

-Главным образом, конечно, милиционеров, убедит Понтий Пилат. Но и кальсоны будут деталью немаловажной. Заезжать домой, и переодеваться, как выясняется, вы не желаете, а мы вас отпустим в том, в чем и приняли: в кальсонах, натальной рубаше, с иконой и свечёй.

-Так что же делать? – *Иван понурил голову:* - Ведь их непременно необходимо поймать.

-Хорошо-с, но зачем самому-то бегать? Изложите все на бумаге. Но только одно условие: не напрягайте головы и меньше думайте о Понтии Пилате. Мало ли что можно рассказать, не всему же надо верить.

-Понял! – *решительно заявил Иван.* – Дайте мне бумагу и перо.

-Выдайте ему бумагу и короткий карандаш, – *распорядился Стравинский,* - Но сегодня писать не советую.

-Нет, нет! Непременно сегодня, а то он уйдет.

-Хорошо, но не напрягайте мозг. До свидания, – *он пожал Ивану руку, а выходя, повернулся к тому, что был с бородой и тихо сказал:*

-Да, да, конечно, для начала кислород и бромные ванны.

*Час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, когда, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, Мастер идет домой из МАССОЛИТа, с трудом волоча ноги. Губы его шепчут:*

*Добрые люди, добрые люди... Все люди добрые...И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется...*

*И не Москва это уже, а Ершалаим.*

*На Иешуа взваливают тяжелый крест, и мученический путь на Лысую гору начинается. Пройдя около ста шагов, на повороте улицы, круто поднимавшейся в гору, Иешуа падает под тяжестью креста. Он с трудом, преодолевая боль, поднимается на ноги... На том месте, где дорога поворачивает вправо и еще круче поднимается вверх, Иешуа опять лишается сил. В этот момент воины в толпе выхватывают человека и заставляют его помочь Иешуа нести крест. Далее скорбная процессия направляется по крутому подъему к Судным воротам, на которых вывешены приговоры осужденным.*

*Раскаленное солнце снижается над оцепленной Лысой Горой.*

*Кавалерийская ала, рысью выходит к Хевровским воротам города. Пехотинцы каппадокийской когорты отдавили в стороны скопища людей, мулов и верблюдов, и ала, рыся и поднимая до неба белые столбы пыли, вышла на перекресток, где сходятся две дороги и понеслась по северо-западной дороге. Те же каппадокийцы рассыпаны по краям дороги. Толпы богомольцев стоят за ними, покинув свои временные полосатые шатры, раскинутые прямо на траве. Пройдя около километра, ала обгоняет вторую когорту молниеносного легиона, и первая подошла, покрыв еще километр, к подножию Лысой Горы. Здесь она спешивается.*

*Через некоторое время за алой подошла к холму вторая когорта, поднялась на один ярус выше и венцом опоясала гору.*

*Показалась кентурия под командой Марка Крысобоя. Она идет, растянутая двумя цепями по краям дороги, а между этими цепями, под конвоем тайной стражи, бредут четверо осужденных, нагруженные свежесотесанными столбами с перекладинами. На повозках едут шесть палачей.*

*К Иешуа подходит женщина с огненно рыжими волосами и протягивает ему платок, напоминающий букет белых роз. Нежданное солнце меняет цвет платка с белого на тревожно желтый.*

*И уже не Еришалаим это, а изнывающая от жары Москва.*

*Тревожные желтые цветы несет в руках Маргарита. Она идет навстречу Мастеру.*

*И эти цветы очень отчетливо выделяются на черном, совершенно не по погоде, пальто. Маргарита поворачивает в переулок и смотрит на Мастера не то что тревожно, а даже как будто болезненно. В ее глазах никем не виданное, дьявольское одиночество. Повинуясь этому желтому знаку, Мастер делает выбор, он сворачивает в переулок за Маргаритой. Они идут по кривому, скучному переулку безмолвно, по разным сторонам.*

*Внезапно она говорит:*

*-Нравятся ли вам мои цветы?*

*-Нет.*

*Она смотрит удивленно.*

*-Вы не любите цветы?*

*-Нет, я люблю цветы, только не такие.*

*-А какие?*

*-Я белые розы люблю.*

*Маргарита улыбается виновато и бросает цветы в канаву. Растерявшись немного, Мастер поднимает ненавистные ему цветы и подает ей, но она, усмехнувшись, отталкивает их, и Мастер несет их в руках.*

*Они идут молча некоторое время, пока она со смехом не выхватывает у Мастера из рук цветы и бросает их на мостовую, затем берет его под руку, и они идут рядом.*

*Комната Мастера преобразилась. Даже издавшее виды кресло смотрится молодцевато, абжур выявил всю палитру красок на своих кистях, лампа стала ярче, стол прибран и разделен на две зоны: кабинетную и столовую. Книги и рукописи собраны вместе и находятся в идеальном порядке.*

*Мастер и Маргарита сидят по разные стороны стола и внимательно смотрят друг на друга. Их руки ласкают друг друга, прикасаясь к книге. Мастер – все понимающая ирония. Маргарита – высшая степень восхищения и обожания.*

-Мне никогда не было так просто и так интересно, - *говорит Маргарита*, - кажется, что я пью, не отрываясь, как прекрасное вино, вот это, наше с тобой, время. И не могу напиться. Я люблю тебя.

-Марго, и я люблю тебя, и ... боюсь...

-Меня?

-Нет, боюсь того, что это... не любовь, это что-то другое. Наша любовь выскочила перед нами мгновенно, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Это ли любовь?

-Мы полюбили... мы любим друг друга. Правда? Так что же это, если не любовь?

*Мастер грустно улыбнулся и поцеловал ладонь Маргариты:*

-А что человек знает о любви? Что есть любовь? – *Мастер импровизирует, он говорит, смотря куда-то в сторону и вверх, словно ища в пространстве, так нужной ему в этот момент, поддержки:*

-С какой легкостью мы играем этим словом – «люблю». Мать – люблю. Ребенка – люблю. Люблю плавать, путешествовать, спать, одеваться... Женщину свою люблю. Женщин, тоже люблю. И свинину люблю, люблю даже больше, чем говядину. А ведь, если посмотреть на всё это разнообразие любви и подумать, то получается, что человек, на самом-то деле, любит только себя. И уже потом и потому любит все, что его ласкает, греет, потакает ему, продолжает его, охраняет, оберегает и поддерживает его привычки.

Такая любовь всегда напрашивается на вопрос: «за что»? За что люблю? Вопрос: «За что ты меня любишь?» всегда мучил и сегодня мучает, наверное, всех влюбленных. И мне кажется, что между ответами: «За глазки» и «За жилплощадь» разница не очень-то большая.

-Нет, нет! Есть ведь истинная, даже возвышенная любовь, вся литература состоит из этих примеров – Ромео и Джульетта, Петрарка и Луара, Тристан и Изольда ...- *в голосе Маргариты больше недоумения, чем размышления.*

-Да, литература, конечно. *Мастер говорит немного «играя»:* - «Она меня за муки полюбила, а я её - за сострадание к ним...». Ты знаешь, по моему, Отелло безгранично любит Дездемону **за то** - *Мастер выделяет голосом эти слова*, - что она своим состраданием лечит его раны. Но как только он уверился в том, что она стала причиной нового удара судьбы, то

другие, уже далеко не нежные чувства, стали властны над его любовью. Мавр любит её, но любит «за что-то», он оказался не способен любить её больше себя.

- А что - любить больше жизни - не бывает? - *Маргарита произнесла это с каким-то выстраданным чувством.*

-Бывает, наверняка, бывает.

*Мысли Мастера возвращаются к книге, на которой лежит его рука.*

*Иуда, на самом углу, где улица вливается в базарную площадь, увидел женщину, которая легкой играющей походкой, обогнала его. Увидел, узнал и вздрогнул. Побежал догонять, чуть не сбив с ног прохожего с кувшином:*

-Низа!

*Женщина обернулась, на ее лице отразилась холодная досада. Она сухо ответила:*

-Ах, это ты, Иуда! Я тебя не узнала – богатым будешь. Или ты уже им стал?

*Волнуясь, Иуда спросил прерывающимся шепотом:*

-Куда же ты идешь, Низа?

-А зачем тебе это знать? – *Низа замедлила шаг, но голос ее был неизменно надменным.*

*Иуда зашептал как-то по-детски, растерянно:*

-Но как же?...Мы же условились. Я хотел зайти к тебе. Ты сказала, что весь вечер будешь дома...

-Ах, нет, нет, мне стало скучно. Я решила уйти за город слушать соловьев.

-Как за город? Одна?

-Конечно одна.

-Позволь мне сопровождать тебя. *Он смотрел на Низу молящими глазами. Низа молча ускорила шаг. Иуда, пытаясь ровнять по ней шаг, жалобно спросил:*

-Что же ты молчишь, Низа?

-А ты достал то, что я тебе сказала?

-Да, конечно, я достал, Низа! – *Иуда, было, полез за пазуху, но, осмотревшись, одумался.*

*Низа посмотрела на него оценивающе, и когда поняла, что он не врет, едва улыбнулась: - И мне не будет скучно с тобой? Немного помолчала: - Ну, хорошо, пойдём.*

-Куда, куда? – *Иуда готов был не бежать, а лететь.*

-Ты знаешь грот за бродом?

-Знаю, конечно, знаю!

-Я пойду вперед. Но ты не иди за мной по пятам. Я уйду вперед... – *жестко сказала Низа.*

-Все равно, любовь, это самое лучшее, что дано человеку. Это горячее, ни с чем не сравнимое, блаженство – *это уже твердо, с уверенностью сказала Маргарита.*

*Мастер кивнул и подхватил мысль:*

-Да, конечно, любовь – это восторг и радость, трепет от блаженства. Но от блаженства обладания тем, что ласкает и греет наши души и тела. Она – огонь души, однажды зажженный и требующий все больше, больше...- истинная, большая может и испепелить. А без этого любовь, какой бы огромной она не казалась, гаснет, и на пепелище вырастают безразличие, отвращение, даже ненависть. И человек, стремясь предотвратить такой конец, готов порой бросить в этот прожорливый очаг: честь, совесть, жизнь, отдать ей многое, если не все...

-Жизнь отдать за любовь – что может быть прекраснее... - *полувопросительно, полуутвердительно сказала Маргарита.*

*Мастер не ответил, только с сомнением покачал головой.*

*Мысли Мастера бегут вслед за нетерпеливым Иудой, стремящимся вырваться из Ершалаима через Гефсиманские ворота.*

*Иуда горя нетерпением бежит под таинственной тенью развесистых огромных маслин. В саду никого нет и над Иудой заливаются хоры соловьев.*

-Низа! - *негромко кричит Иуда.*

*От толстого ствола маслины на дорогу выскакивает коренастый мужчина, в его руке блеснуло лезвие ножа. Иуда бросается назад, но второй человек преграждает ему путь. Первый спросил:*

-Сколько ты получил Иуда? Говори, если хочешь жить!

-Тридцать тетрадрахм! Тридцать тетрадрахм! Вот все деньги, возьмите, но не убивайте – *На лице Иуды, протягивающего кошелек, отражается борьба обреченности и надежды.*

*Один из нападавших выхватывает кошель и в тот же миг второй мгновенным ударом всаживает нож под лопатку Иуды. Ударил и передний, ударил в самое сердце. Нож вошел по рукоятку.*

-Ни...за...Лю...бовь - *не своим, высоким и чистым молодым голосом, а голосом низким и укоризненным проговорил Иуда.*

*Мастер говорит так, как будто еще и еще раз доказывает что-то самому себе:*

-Но ведь есть и другая любовь – любовь, идущая от Бога. Она именно другая – Бог любит не «за что» и не «почему».

Любит.

Ему не нужно доказывать нам свою любовь – мы и прошлые, и нынешние, и будущие жили, живем, и будем жить потому, что она есть. Его любовь – часть той силы, которая изначально изваяла и продолжает созидать наш мир.

Это любовь без дна, без желания обменять её на поощрение. Такая любовь – тихая и молчаливая радость, радость даже тогда, когда нет надежды на ответ, на взаимность...

-И ты думаешь, что у человека нет шансов искренне и нежно любить другого..., только Бога? – *в глазах Маргариты большое сомнение.*

-Да нет... - *Мастер ищет слова, ...* - не так. Любовь к Богу это... это как камертон, который позволяет человеку не свалиться до визга и не сподобиться на звероподобное рычание в выражении своей любви к существу... Только любя Бога, человек не позволит себе каленым железом загонять своего любимого, в свое представление о счастье...

*Мастер на некоторое время замолчал, как бы сам переосмысливая сказанное, и продолжил уже немного по-другому:*

- Ты, знаешь, Марго, из всего того, что я слышал и читал о любви, мне ближе всего одна строка: «Люблю, но реже говорю об этом...». Подумай, какой умница этот Шекспир: говорю реже...значит действительно люблю. И он постоянно возвращается к этой теме. Эта мысль у Шекспира отточена, он соединил любовь и сдержанность в единое высшее чувство:

- *Мастер читает сонет просто, как говорит:*

...Так я молчу не зная, что сказать,  
Не оттого, что сердце охладело.  
Нет, на уста мои кладет печать  
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой,  
Пускай она, безмолвный мой ходатай,  
Идет к тебе с признаньем и мольбой  
И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?  
Услышишь ли глазами голос мой?

*Мастер задумался, Маргарита молчала, а потом погладила рукопись и сказала:* - Твоя книга – это ты. Ты – Мастер. И не спорь – ты мой любимый Мастер. Я могу и любить тебя, и читать тебя.

*Маргарита оживилась, её осенило:*

-Я все поняла - твоя книга...об этом, она о... любви... - *Маргарита посмотрела Мастеру прямо в глаза, ища в них подтверждение своей неожиданной догадке.*

*Мастер улыбнулся:* - Честно? Не знаю. Наверное, и об этом...

-А как ты это делаешь?

-Что?

-Как ты пишешь? – *Маргарита спросила и как будто застеснялась, своего вопроса: он почему-то показался ей абсолютно интимным.*

-Пишу... пишу... пишу по разному. Иногда трудно, иногда очень трудно. А порой бывает чудесно: мне кажется, что осознаю написанное, только вставая из-за стола. И хотя в такие моменты забываешь о себе, но для

меня именно в них и есть высшее блаженство. Ты даже сам себе не веришь, что это – *Мастер открыл рукопись на каком-то листе* - сделано тобой, такое ощущение, что ты записал продиктованное кем-то...

-А кем? – *Маргарита спросила шепотом.*

*Мастер улыбнулся:* - Не знаю

-И про любовь?

-И про любовь.

-А у нас. Как у нас... наша любовь? – *спросила Маргарита и в голосе её была мольба.*

-Ты знаешь, мне кажется, что наша с тобой любовь – это дарованный нам проведением лед, который мы приложили к ожогам, полученным в этой жизни. Пройдет время, лед растает – боль вернется. Этого я боюсь.

-Неправда – *твердо сказала Маргарита,* - мы будем с тобой и это уже навсегда!

-Нет у нас этой вечности, - *Мастер понуро опустил голову* – все уже решено: завтра наша идиллия кончится.

*Он откинул голову, поддерживая её сложенными на затылке руками и смотря наверх:*

-Как я его сейчас понимаю... «Пусть минует меня чаша сия...». И он, даже он, страстно хотел жить.

*Маргарита, не понимая сути сказанного, опешила:*

-Скажи, что случилось? Что завтра?... Почему завтра?

-Завтра они распнут, растопчут меня... - *сказал Мастер, доставая с полки и комкая какие-то газеты.*

-Нет! – *закричала Маргарита, выхватывая из рук Мастера газеты и разрывая их в клочья* - не отдам!!! *И много тише:* - Никому не отдам...

*Она бросилась к Мастеру, обняла его голову и, глотая слезы, целовала его без конца. Потом обвила руками его за пояс, положила голову на колени и затихла.*

*Мастер с нежностью и тоской смотрит на Маргариту и боль, казалось уже почти забытая, вновь возвратилась тупой озлобленной волной. Но это уже не Мастер ...*

*Это - страдающий Иешуа.*

*За осужденными верхом едет кентурион Марк, начальник храмовой стражи в Еришалаиме. Замыкается процессия солдатской цепью, а за нею идет около двух тысяч любопытных, не испугавшихся адской жары и желающих присутствовать при интересном зрелище.*

*К этим любопытным из города присоединяются любопытные богомольцы, которых беспрепятственно пропускают в хвост процессии.*

*Ала пропустила всех во второй ярус, а вторая кентурия пропустила наверх только тех, кто имел отношение к казни, а затем, быстро маневрируя, рассеяла толпу вокруг всего холма, так что та оказалась между пехотным оцеплением вверху и кавалерийским внизу. Теперь чернь*

*может видеть приготовления к казни только сквозь неплотную цепь пехотинцев.*

*Глаза страдающего Иешуа обращены в ту стороны, с которой на город надвигается гроза...*

*Ночь. В комнате Мастера темно. Идет сильнейшая гроза. Слышно, как в окна хлещет дождь.*

*Мастер лежит на кровати, не зажигая лампы. Глаза его, постепенно закрываются, но вдруг что-то заставляет его сначала насторожиться, а потом и встать.*

*Он смотрит на карманные часы, они показывают два часа ночи.*

*Мастера, переживающего приступ душевной и физической боли, мучают видения: вдруг показалось, что темнота сгустилась до такой степени, что выдавливает стекла, вливается в комнату, и он захлебывается в ней, как в чернилах. Пытаясь вырваться из объятий тьмы, он шепчет:*

*- Догадайся, что со мною случилась беда. Приди, приди, приди!.. Только ради тебя я хочу жить... Приди...*

*Рука Мастера вновь ощупывает рукопись, но ожидаемого облегчения это не приносит.*

*То появляется, то исчезает образ Маргариты, ее рука тоже что-то ищет на столе. Руки их «соединяются» на листе чистой бумаги. Голова Мастера лежит на столе. В руке Мастера появляется ручка, ему кажется, что это Маргарита нежно ведет его рукой.*

*Боль не уходит, но отступает.*

*Мастер пишет.*

*На бумаге можно разобрать:*

*Сталину.*

*Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу...*

*Ныне я уничтожен...*

*Гонения, нищета, улица и гибель...*

*Помогите!*

*Приподнимая голову, Мастер читает это на листе, лежащем на столе, не до конца понимая смысл написанного.*

*Когда суть письма становится ему ясна, он отдергивает руку, ручка падает на пол. Он пытается взять письмо, но уже поздно.*

*Письмо начинает жить собственной жизнью.*

*Оно улетает.*



*Летит письмо над ночной Москвой, пролетает сквозь строй, стоящих «на вытяжку» военных и влетает в единственное святающееся окно Кремлевского дворца. Через мгновение в комнате Мастера раздается телефонный звонок.*

*Мастер ищет глазами источник звука – у него никогда не было телефона. Но вот он - под рукой. Осторожно снимает трубку и слушает.*

*-Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.*

*Мастер молчит, но трубку не кладет.*

*Голос Сталина:*

*-Вы нам писали.*

*-Да. - Голос Мастера нейтрален, как выдох.*

*-Мы дадим вам все, что вы просили.*

*Слышны короткие гудки, а телефонная трубка растворилась в воздухе.*

*Мастер с трудом добирается до кровати, ложится, глаза его открыты, руки сжаты. Он видит то, что происходит на Лысой горе.*

*На помост вывели четырех осужденных и волна крика, спадая и не дойдя до низшей точки, вновь выросла, поднялась выше первой, вскипел свист, стали различимы стоны, оттого, что задавили нескольких женщин, когда толпа подалась вперед. Прокуратор Понтий Пилат выбросил вверх правую руку, и последний шум сдуло с толпы.*

*Пилат, набрав в грудь как можно больше горячего воздуха, сорванным голосом закричал:*

*-Именем кесаря императора!..*

*-Да здравствует кесарь!!! – несколько раз страшно прокричали солдаты.*

*Пилат задрал голову, под веками у него от солнца вспыхнул зеленый огонь:*

*-Четверо преступников, арестованных в Ершалаиме за убийства, подстрекательства к мятежу и оскорбление законов и веры, приговорены к позорной казни – повешению на крестах. И эта казнь сейчас совершится на Лысой Горе. Четверо преступников перед вами.*

*Пилат указал вправо рукой, не видя никаких преступников, но зная, что они там.*

*Толпа вновь загудела.*

*-Но казнены будут только трое, ибо согласно закону и обычаю, в честь праздника Пасхи одному их осужденных, по выбору Малого Синедриона и по утверждению римской власти, великодушный кесарь император возвращает его презренную жизнь!*

*На смену гулу пришла великая тишина.*

*-Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...*

*Пауза.*

*Пауза затянулась. Мастер напряженно ждет. Но картина рассеялась. Повисла звонкая тишина. Растерянность Мастера постепенно переходит в ярость.*

*Он вскакивает с кровати и хрипит: - Хватит! Сколько можно!! Жить!...Имя!!! И громче: - Я все отдам, скажи мне имя...*

*Преодолевая себя, он добирается до печки и пытается разжечь в ней дрова. Когда они затрещали и дверца застучала, ему стало немного легче.*

*Мастер вынимает из ящика, стоящего около стола тяжелые списки романа и черновые тетради и начинает их жечь. Делать ему это страшно трудно - исписанная бумага горит неохотно. Ломая ногти, он раздирает тетради, стоямя вкладывает их между поленьями и кочергой треплет листы. Желтизна неудержимо поднимается снизу вверх по страницам, но слова все-таки проступают на ней.*

*Мастер бросается на кровать и наблюдает, как пламя сжигает его книгу.*

*В комнату врывается ветер, так что пламя в печи дрогнуло, занавеска на окне отодвинулась, распахнулось окно, и в далекой высоте открылась от неожиданно исчезнувших грозовых туч, полная, но не утренняя, а ночная луна. От подоконника на пол лег зеленоватый платок лунного света, и в нем появился Воланд.*

*Мастер смотрит на Воланда, но от долгого наблюдения за огнем, образ пришельца представляется ему темным силуэтом на очень светлом фоне.*

*-Вы от Сталина? - вопрос Мастера звучит резко и зло.*

*-Да, нет. Скорее он от меня, - голос Воланда, напротив, доброжелателен и мягок.*

*Воланд проходит к кровати и садится напротив Мастера. Комната освещена каким-то космическим светом. Воланд положил Мастеру руку на лоб, боль мгновенно исчезла.*

*-Кто вы? – приподнимаясь, спрашивает Мастер.*

*И Воланд, растворяясь в воздухе, голосом Маргариты, ответил:*

*-Это - я.*

*Возникшая Маргарита припала к Мастеру, она вся мокрая, с мокрыми щеками и развевшимися волосами, дрожащая.*

*-Ты... ты? Наконец, я так ждал... Любимая... А кто этот мужчина? - и вопрос Мастера повисает ...*

*Маргарина увидела открытую печку, и тихо вскрикнув, голыми руками выбросила из печки на пол последнее, что там оставалось, пачку, которая занялась снизу. Дым наполнил комнату сейчас же. Она ногами затоптала огонь, повалилась на диван и заплакала неудержимо и судорожно.*

*-Хватит, - скоро сказала Маргарита себе.*

*Она оскалилась от ярости, что-то еще говорила невнятно. Затем, сжав губы, она собирала и расправляла обгоревшие листы. Это была какая-то глава из середины романа. Она аккуратно сложила то, что удалось отстоять у огня. Все ее действия показывают, что она полна решимости и что она овладела собой. Выпив вина, она некоторое время стояла в раздумьях, глядя то на Мастера, то на спасенные бумаги и потом, как бы что-то решив, быстро собралась и сказала:*

*-Все решено. За все приходится платить, и я не хочу лгать. Я осталась бы у тебя и сейчас, но мне не хочется это делать таким образом. Я не хочу, чтобы у мужа навсегда осталось в памяти, что я убежала от него ночью. Он не сделал мне никогда никакого зла. Я объяснюсь с ним завтра, утром, скажу, что люблю другого, и навсегда вернусь к тебе. Ответь мне, ты, может быть, не хочешь этого?*

*-Бедная моя, бедная, - сказал Мастер - я не допущу, чтобы ты это сделала. Со мною будет нехорошо, и я не хочу, чтобы ты погибала вместе со мной.*

*-Только эта причина? - спросила она и приблизила свои глаза к глазам Мастера.*

*-Только эта.*

*Она страшно оживилась, припала к нему вновь, обвивая шею, и сказала:*

*-Я погибну вместе с тобою. Утром я буду у тебя.*

*Мастер с грустной полуиронией смотрит ей вслед и полоска света из коридора постепенно гаснет. Последним исчезающим пятнышком светятся остатки рукописи, которые Маргарита уносит с собой.*

*Мастер прождал Маргариту до вечера. Около шести, он встал со своего кресла, и, посмотрев на часы, сказал:*

*-Все правильно... Все правильно ... Я не хочу, чтобы ты погибла.*

*Он окидывает комнату взглядом, прощаясь с ней. Рука привычно ищет стопку листов на столе и не находит. Потом Мастер что-то кладет в карман, выкладывает обратно, и выходит, закрыв за собой дверь на ключ.*

*Мастер идет по пустынной вечерней Москве, он говорит сам с собой:*

*-Я теперь никто... Меня сломали... Мне ненавистен, этот роман...*

*И эхо треплет это слово: «Ненавистен..., Ненавистен...».*

*Его путь лежит мимо Дворца культуры партийных работников, где все готово к проведению объявленного действия.*

*Но он этого не видит, и его никто из последних, опаздывающих и потому бегущих, не замечает.*

*В большом фойе Дворца культуры партийных работников общаются в ожидании начала мероприятия те, кого, собранных вместе, называют «творческий актив города Москвы». Лица, те же, что и в толпе Ершалаима, изменилась только одежда. Но это абсолютно то же собрание любопытных, ожидающих экзекуции.*

*Люди здесь разные: толстые и тонкие, мужчины и женщины, среди которых встречаются молодые и хорошенькие. Есть здесь длинные и короткие, лысые и волосатые, кто-то с трубкой, кто-то с папиросой. Все разные, но у всех присутствует одно – бегающий взгляд, поза хищника, одновременно готовящегося к атаке и изображающего для маскировки вальяжную сытость. Полный набор представлен в ДК – рапповские теоретики, непримиримые борцы с формализмом, избалованные буржуазности, гроссмейстеры ордена «Соцреализм», ярые атеисты и корчеватели поповщины.*

*Стоит гул, каждый общается с каждым, там и сям слышны возгласы приветствий, видны вскидываемые руки обнимающихся мужчин, их перемежают целующиеся женщины, словом - тусовка.*

*В ней ярким пятном выделяются группа тех, кто испытывает наслаждение от предстоящего истязания. Афиногенов, Кирион и Латунский весело обсуждают и Мастера и все, что приходит им в головы. Кирион и Афиногенов исполняют каждый свою тему, ни мало не прислушиваясь друг к другу.*

*У Кириона особенность – буква «р» проскакивает в его речи через раз, а в случаях высшего волнения исчезает вообще:*

*-Он не болен, он одержим собачьей стааостью.*

*-Это просто литературный уборщик, подбирающий объедки после того, как наблевала дюжина гостей. Этот, извините за выражение, писатель, в залежалом мусоре шарит...*

*-Что это, спаашиваю, баатишечка, мууло у тебя... Молчишь? А то, я, как человек деликатный, возьму да и хрястну по затылку...*

*-Обывателю он со своим Иешуа, вроде как бюстгальтер собаке - без надобности...*

*Протирая мягкой тряпочкой золотое пенсне, молчавший до этого момента Латунский, высокопарно изрекает:*

*-Товарищи, вы не совсем точны. Мы имеем дело с интересной и весьма остроумной пародией, в которой встает зловещая тень Великого Инквизитора, которого иногда именуют Великим канцлером, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские подхалимски нелепые штампы, стирающего личность писателя.*

*Латунский смотрит сквозь стекла на свет:*

*-Здесь идет речь о мрачной зловещей силе, воспитывающей илотов, подхалимов и панегиристов...*

*На некоторое время Афиногенов и Кирион напрягаются, пытаются понять, что же хотел сказать Латунский. Но очень скоро, понимая тщетность своих усилий, они возвращаются к прежней забаве.*

*-Новобуржуазное поповское отродье, брызжущее отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы...*

*-Гы... Гы...Гы...Ему нравится атмосфера собачьей свадьбы вокиуг какой-нибудь иыжей жены пиятеля...*

*-От его мессии идет вонь...*

*Мы видим их смеющихся, более того - сотрясающихся от хохота лица, и вдруг, постепенно начинаем снова ощущать их частью огромной толпы, собравшейся у помоста на Лысой Горе. Смех, нарастая, превращается в звуковую волну: «Га-а-а...» Она взвинтилась и дошла до громopodobной, и, продержавшись несколько секунд, начала спадать. И вдруг наступила тьма и тишина.*

*Мы видим, Иешуа, из последних сил держащего крест, видим расположенную под Понтием Пилатом толпу, в которой перемешались любопытные, пришедшие на Лысую гору под Еришалаимом и заполнившие Дом Культуры партийных работников, активисты от творчества города Москвы. Все замерли в ожидании. Тишина. Звонкая тишина.*

*Все ждут...*

*Где-то высоко над Иешуа, стоящим под придавившим его крестом, над идущим по Москве Мастером, над Еришалаимом, над Москвой, снова раздается голос Пилата, ветер относит слова, они слышны не все:*

*-... по выбору ... и по утверждению... власти, великодушный ... возвращает ... жизнь! Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...*

*Еще мгновение и, наконец, прозвучал совершенно спокойный, отрешенный и бесстрастный, не принадлежащий никому, голос:*

*-Мастер.*

*Тут солнце, зазвенев, лопнуло и залило огнем уши. В этом огне бушевали рев, визги, стоны, хохот, свист.*

*И вдруг снова возникла тишина. Это уже мертвая тишина. Исчез звук. И здесь вновь появились те же самые лица «доброжелателей» Мастера. Сначала мы видим их в толпе зевак в Еришалаиме, а затем они оказываются в фойе Дворца Культуры. Кто-то вокруг что-то говорит, смеется, кричит, но звука нет. Мы видим, что это уже не лица, а посмертные маски. Они, недавно еще наслаждавшиеся жизнью, увидели край бездны - свой скорый конец.*

*И здесь по фойе Дома Культуры проносится слух.*

*Мы даже видим, как он несется, склоняя головы присутствующих, подобно тому, как ветер в поле гнет колоски.*

*Слышится некое подобие приторного всхлипывания.*

-Вы слышали, говорят, что Миша Берлиоз погиб?

-Да?

-Да ну?

-Да...

-Ну да...

-Что вы, не может быть!

-Точно!

-Убили...

-Убили, да еще как!

-Как?

-Зарезали

-Голову отрезали ...

-И какую голову!!!

-Знаете, а ведь его трамваем зарезали ...

-Какие звери...

-И кто теперь актив вести будет?

-Да, некому, однако,... пожалуй.

*Дородная, некрасивая дама с папирсой в длинном мундштуке заметила отрешенно:*

-Это знак... Папирса поднята вверх: - Я предупреждала...

*Раздался звонок и публика нехотя, как бы с опаской, потянулась в зал.*

*На сцене, с которой рабочие выносят, оказавшиеся ненужными столы президиума и огромную, циклопических размеров трибуну, появился маленький, юркий, вечно моложавый субъект.*

-Уважаемые товарищи! Дорогие друзья!

В связи с изменившимися обстоятельствами мы не сможем провести намеченный ранее творческий актив нашей столицы на тему: «Роль партийности в формировании духовности». – вышедший на сцену, неизвестно как здесь оказавшийся, популярный конферансье Серафим Сойкин одним своим появлением настроил публику на расслабительно-юмористическую волну, смахнувшую разлитую в зале, но и без того не сильно овладевшую массажи, печаль...

-Но благодаря, всеми нами горячо любимому, обществу «Знание», мы с вами сегодня имеем эксклюзивную возможность - четко артикулируя - **лицезреть...**

*Здесь ведущий сделал паузу, что бы все могли пережевать и проглотить это слово, употребление которого свидетельствовало и о существенном словарном запасе Серафима, и о некоем намеке на фронду, позволительную лишь работникам истинно творческим, и о несомненной смелости моложавого дарования, употребившего в этой цитадели*

марксистского пуританства, словцо с некоторым налетом, решительно отвергнутой всеми здесь присутствующими, старины.

Пока Серафим упивался произведенным, по его мнению, эффектом, и обдумывал, какие разговоры пойдут по Москве в этой связи, он просто забыл то, что должен был сказать дальше.

Улыбка, рассчитанная на понимание совершенного только что - ну, если не подвига, то поступка, - постепенно трансформировалась в ту полудиотскую полуулыбку, которая обычно свойственна московским дамам, перебегающим дорогу перед отчаянно тормозящим автомобилем.

Публика правильно поняла происходящее на сцене, и начала было покрывать и похикивания чередовать с жидкими, издевательскими аплодисментами, но тут же осеклась. На сцену, из левой кулисы верхом на Коровьеве выехал Бегемот, при этом кот держал в лапах бутылку водки и находился в состоянии, именуемом в народе: «пьяней вина».

Изумление увиденным присутствующих, приготовившихся к традиционному, для таких okazji, концерту с заранее известным набором абсолютно ортодоксальных номеров и годами проверенных, до оскомины надоевших исполнителей, было такой степени, что буквально никто не мог произнести ни слова. Но когда самые решительные были уже готовы вмешаться в это вопиющее безобразие, с выстроенным на лицах по этому поводу выражением самого праведного негодования, и почти наполовину приподнялись в креслах, невидимая сила усадила их всех и разом обратно, поскольку, добравшись до Серафима, Бегемот и Коровьев то ли свистнули, то ли хрюкнули, то ли дунули, а в результате Сойкин взлетел, нелепо помахал ногами и вылетел в дверь во втором ярусе зала.

Оставшись на сцене одни, кот и Коровьев некоторое время обзрели зал, и, убедившись, что внимание присутствующих, хотя и далеко не доброжелательное, ими завоевано целиком и полностью, хором прокричали:

-Здрасьте! – кот при этом изобразил некое подобие реверанса.

Им никто не ответил, но это их нисколько не смутило.

Коровьев снял клетчатую кепку, и, вытирая её подкладкой свое треснувшее пенсне, сказал:

-Уважаемые господа, - после этого слова в зале возник неодобрительный гул - милые нам с Бегемотом – он рукой показал на кота – творчески активные москвичи и москвички! Именно сегодня вы имеете эксклюзивную возможность с нашей помощью воочию лицезреть самые высшие достижения мировой творческой мысли, материализованной в абсолютно конкретных формах сублимации сознания. Мы, конечно, могли бы показать вам что-нибудь пикантное. Это, – тело парящего Серафима вновь понеслось вкруговую над залом - или то – Серафим спланировал на деревянный задник сцены, и пробил его, оставив на нем силуэт своей распроставшейся фигуры... Гул в зале исчез.

-Но вы, как передовые во всех смыслах, представители самых творчески рафинированных профессий, обладающие тончайшими санпиталиями, составляющими основу вашего интеллектуального инструментария, достойны много большего, нежели фиксация вашими нежнейшими органами чувств неких императивно стагнирующих кумберлентных аллюзий и интифолентных иллюзий. Именно поэтому мы с моим помощником – *Коровьев привлек к себе кота, обнял его и почесал его за ухом. Кот при этом пытался приобщить регента к употреблению принесенного им спиртного* - проведем с вами абсолютно полезное практическое занятие по теме: «Роль партийности в формировании духовности». Для начала я попрошу вас всех открыть ваши партийные билеты.

-Братки, мельтешите с ксивами по-быстрому, - *кот, вывернувшийся из полуобъятий Коровьева, начал вскидывать лапы вверх, очевидно призывая публику к большей активности.*

Конечно, в первых рядах зала, занятых высшим руководством творческих и не совсем творческих союзов и организаций, никто и не подумал выполнять это требование бластного и пьяного кота. Но возгласы, визги, писки, хахоньки и хихоньки, зародившиеся где-то вверху и постепенно волной приближавшиеся к партеру, заставили истинно твердокаменных (с соответствующими лицами и выражением на них) партийцев полезть в самые потаённые, застегнутые булавочками, завязанные на тесемочки, места и достать красные книжицы, украдкой раскрыв их.

Каждый из заглянувших в партийный билет, обнаружил в нем пачку червонцев, перевязанных алой лентой, на которой золотыми буками было написано: «*Партийность основа духовности*».

-А почему суммы разные? – *вопрос последовал с заднего ряда, но был услышан и понят всеми.*

-Все архипросто, - *Коровьев заложил руку за спину и выдвинул вторую с зажатой в ней кепкой, в сторону спросившего, - суммы, которые вы обнаружили, начислены вам, дамы и господа, пропорционально партийному стажу, естественно, с учетом пребывания на выборных должностях.*

-Сколько вашей истиной партийности, столько и нашей конкретной духовности – *подытожил Бегемот, вольготно расположившийся в огромном кресле канареечного цвета, возникшим на сцене, без чьих то видимых усилий.*

-Кстати, обратите внимание, - *Коровьев излучал само обаяние* - членские взносы у каждого из вас, уважаемые активные творцы и творческие активисты, уплачены за полгода вперед. За это вы можете поблагодарить ведущие **коммЭрческие** – *это слово он произнес с неким прононсом* - банки Берлина, Нью-Йорка, Лондона и Парижа: они являются меценатами нашей встречи, и соответствующие документы,



подтверждающие проведение платежей уже поступили в бухгалтерии ваших партийных организаций.

*Стало отчетливо слышны крики-стоны: «Это конец», «Пропал», «За что?» и несколько тел в партере очень быстро и громко приняли лежащее, вполне обморочное, положение.*

Итак, милостивые государи, продолжим. - *Коровьев взгромоздился на самопроизвольно материализовавшуюся, ранее вынесенную со сцены, кафедру-мастодонт, надвинул пенсне на самый кончик носа и начал читать по бумажке:*

-Обратимся к дефинициям, поскольку только выверено тождественное осознание всеми нами тех объективных субстанций, которые скрываются за такими, кажущимися нам простыми и понятными, определениями, как «партийность» и «духовность», позволят абсолютно адекватно и единообразно оценить всю палитру сложнейших взаимосвязей, в которых находятся эти проявления сознания индивидов в форме общественного кортипулентного действия.

-Для особо одаренных, поясняю, – *Бегемот занял в кресле положение, позволяющее присутствующим обозреть его живот и котятородный орган - не хер тут сопли жевать, как бугор скажет, - кот благосклонно кивнул в сторону Коровьева, - так и будет...Все усекли?*

*Напряжение в зале, вызванное неожиданностями, происходившими на сцене, доведшее присутствующих до состояния ступора, в какой-то степени, спало.*

*Кирион, испытывающий томящую боль от предчувствий, возникших в результате каких-то, произошедших, непонятных перемен, чреватых для него не осознанными, но от этого еще более пугающими, последствиями, решился на прямое действие.*

-Позвольте! – крикнул он, вставая со своего места во втором ряду партера, и вышел к рампе...

*Морда кота, при этом, каким-то странным образом оказалась совсем рядом перед ним:*

-Ты кто? – спросил Бегемот.

-Стааший научный сотуудник института маасизма – ленинизма Семен Вульфович Кирион, - *эту фразу он произнес, как умел : поэтому, например, слово «марксизма» в его взволнованном исполнении и звучало, как «маасизма».*

-Маразма чего?

-Ленинизма – *почему-то, как бы оправдываясь, ответил Кирион.*

-Институт маразма ленинизма?? - *Было видно, что от полученного ответа коту яснее не стало.*

-Не маазма, а маасизма – *настаивал Кирион.*

-Ну, так это радикально меняет дело...- *согласился кот, протягивая Кириону початую бутылку водки:*

-Из горла будешь?

*Кирион в точности повторил позу, ранее виденную им на плакате «Пьянству – бой», и особо твердо отчеканил: - Нет!*

*-Тогда чего орешь? – достаточно доброжелательно осведомился кот.*

*-Что за балаган вы тут устроили, мы...мы все сюда не за этим пишли!*

*-А за чем вы пишли?*

*Вопрос кота заставил Кириона на секунду задуматься, сила его, изначально сформированного отчаянием, напора как-то сама собой ослабла, в голосе появились нотки сомнения*

*-Ну...это, книгу обсуждать...*

*-Какую такую книгу?*

*-Это, того этого самого...книгу, о Пилате, - и Кирион, подумав, добавил – о Понтии.*

*-Так о Пилате, или о Понтии? – кот искренне недоумевал.*

*-О Понтии Пилате – уточнил Кирион.*

*-И, что, есть такая книга? – заинтересованно осведомился кот.*

*Кирион очень уверенно ответил: - Есть, - и почему-то встал по стойке «смирно».*

*-А ты её читал?*

*Вопрос оказался, что называется, «на засыпку». Рукопись романа Кирион, конечно, видел, но, будучи от природы человеком крайне ленивым, читать её только лишь собирался. Но не стал. А в обличительных статьях о «Пилатине» использовал то, что обнаружил по этому поводу в гневных филиппиках Латунского. Кроме того, Кирион хорошо понимал, что в этом зале едва ли найдутся хотя бы двое, прочитавших рукопись, и быть в составе этого явного меньшинства ему совсем не хотелось. Поэтому он очень тихо сказал:*

*-Не читал. Но слова эти почему-то прозвучали очень громко и эхом повторились многократно:*

*-Не читал! - Не читал!! - Не читал!!!*

*Шерсть у кота поднялась дыбом, усы задергались, лапы он широко развел, как бы, приглашая весь зал в свидетели, выявленного им невообразимого безобразия:*

*-Что же это получается? Сечете, кореша? - кот расположился на краю сцены, апеллируя к первым рядам партера:*

*-Не какие-то соплежустые фраера мелкие, а столичная, вся из себя творческая, братва, тут, в кои-то веки на матёрый сходняк собралась. Она сколько идеологов в законе – кот широко прошелся лапой. - Базар исключительно по делу идет. А этот, сморчок короткобрюхий лезет к нам с какими-то фуфловыми тезисами. Ты, - кот взял абсолютно потерянного Кириона за шиворот, легко приподнял и повернул к себе, - самец трехяйцовый, рот твой под носом, ты чего сюда «пишол»? Своими понтиями, - тут кот задумался и поправился : - понтами о каком-то там Пилате, задумал нас от разборки по понятиям чисто духовности и конкретно партийности отвлекать?*

*Кирион был не в состоянии ничего сказать, спазмы животного страха сжали горло. Наблюдая за этим, кот, кажется, нашел сам ответ на заданный им вопрос, задумчиво резюмировал:*

*-В морду хочешь ... - и кот слегка приложился к правому глазу Кириона, после чего он отлетел на свое место, а его многократно увеличенное лицо с лиловым синяком, четко спроецировалось на заднике сцены.*

*-Еще желающие записаться в прениях, есть? – спокойно спросил кот, позёвывая, почесываясь и косясь, на почти пустую бутылку.*

*Желающие себя не обнаружили.*

*-Продолжим – сказал Коровьев, в очередной раз, протирая треснувшее пенсне, и пошелестев скомканными бумажками на освоенной им трибуне:*

*-Духовность, как категория отрицания своей антитезы, а именно – бездуховности, формируется и закрепляется в сознании творческого, и особенно партийного индивида тогда и только тогда, когда он абсолютно осознано, делает свой выбор в пользу этой, оплодотворенной партийностью, духовности, имея конечно при этом реальную возможность ощутить и оценить все материальные и нравственные аспекты собственного существования в условиях полной бездуховности. Окунуться, погрузиться в мир бездуховного, прикоснуться к его гнусным реалиям, проникнуть в его отвратительные и гнусные чертоги, реально, то есть практически, оценить всю пагубность разрушительного влияния бездуховности на мировоззренческий аппарат творческого партийца, и – здесь Коровьев точно повторил все приемы евангелических проповедников, с пришепетыванием в нужных местах, заламыванием рук, возвышением голоса, - вынырнуть в мире высшей духовности, с партбилетом в руках – вот та задача, которую каждый из вас, любезные мои наиактивнейшие творцы, я в этом не сомневаюсь, решит, в ходе нашего практического занятия по теме: «Роль партийности в формировании духовности».*

*Кот до этого дремавший в кресле, принимая при этом самые разнообразные позы, очнулся:*

*-Повторяю еще раз для остолопов. Сейчас, полученные халявные червонцы, вы легко и непринужденно потратите в центрах организованной бездуховности.*

*Кот сполз с огромного кресла и прошел в зал.*

*-Вот ты, брателло, - Бегемот обратился к сидящему в первом ряду директору Могучего театра Копияситцеву Аполлону Петровичу, - когда последний раз в борделе был? Да нет, твои Аполлон, походы в уборную кордебалета, понятно, не в счет. А вот так, что бы за свои, за кровные, легко, свободно и непринужденно, от души и досыта, не оглядываясь и не прячась по темным пыльным углам и сортирам?...*

*Бегемот махнул лапой и мгновенно, прямо в одном их углов зала заиграли и замаячили огни «красного квартала». Появились окна, с сидящими в них дивами, зазывалы приглашают посетить заведения «Non stop sex».*

*-Иди, приобщайся, - скомандовал кот, шлепнув Копияситцева по толстому задку так, что он вкатился в дверь с красной занавеской в объятия жрицы любви.*

*А потом, - кот продолжал наставлять Аполлона Петровича вслед, - всем товарищам на занятиях в кружке партийной этики, расскажешь, какое это воистину примерзопакостное занятие.*

*-А вы, любезная Клавдия Сидоровна, - обратился кот к соседке Копияситцева – даме приятной и солидных габаритов – несомненно, испытываете неудобство от сегодня впервые вами одетого по случаю выхода «в свет» бюстгальтера, произведенного на московской фабрике «Победа коммунизма»? - кот внимательно и с сочувствием посмотрел на Клавдию Сидоровну:*

*-Давит?*

*Дама сидела вся красная, низко опустив голову.*

*-Трет? - заботливо, ласково, чуть ли не по-отечески, осведомился кот. Дама почти незаметно кивнула.*

*-Чего не перетерпишь ради победы коммунизма – задумчиво заключил кот.*

*-Да! Бегемот обвел присутствующих счастливым зеленым глазом, - производство этих орудий пыток для женских титок, выросло в прошлом квартале аж на 5 процентов. Ура! - Ответная реакция зала стала уже более адекватной – послышалось если еще не «Ура!», то уже, что-то похожее на «Уа!»*

*Обратившись к Клавдии Сидоровне, кот доверительно сказал:*

*-Но у нас, именно для вас, Клавочка, имеется вариант - Бегемот махнул лапой и в другом углу зала засиял огнями рекламы, манящий огромными витринами, с выставленными в них манекенами, магазин женского платья и белья. Соблазнительнейшая манекеница в комплекте нижнего белья оказалась рядом с Бегемотом. Обведя её прелести пушистым хвостом, кот, вальяжно растягивая слова, заявил:*

*-Первой посетительнице наряд - даром.*

*Сидевшая, как пришибленная, совершенно случайно оказавшаяся в зале страшенькая, неряшливо и бедно одетая дочка Аннушки-Чумы – Вилена, мгновенно оценив ситуацию, бегом бросилась в чрево магазина и буквально через минуту явилась публике в лучах прожекторов, сияя молодостью, неизвестно откуда взявшейся красотой и умопомрачительным нарядом.*

*Женская половина зала резко оживилась.*

*Сначала еще одна, потом – другая, преобразились в магазине до такой степени, что женщины-творцы, представленные в зале, стали демонстрировать воистину стахановскую активность в освоении, напроць*

*лишенных партийной духовности, творческих произведений лучших модельных домов Европы и Америки.*

*Дремавшая до этого момента в десятом ряду, с краю, маленькая сухенькая старушонка, с красным бантом на том месте, где когда-то была грудь, неожиданно проснулась, оценила происходящее и встала на пути образовавшейся толпы, стремящейся протиснуться поближе к двери фешенебельного магазина. Она подняла руку, приняла позу, соединившую в ней одновременно Долорес Ибаррури и боярыню Морозову, и дико вращая глазами, закричала:*

*-Срамотища - а - а!! Не пущу! No pasaran, бля! За что боролись?!...*

*Получив по случаю, удар в ухо от очередной, устремленной в чертоги бездуховности творческой натуры, старушка, ойкнув, отлетела в угол под будку осветителя, где сразу и затихла.*

*Кот, удовлетворившись активностью покупательниц, отправился в другой конец зала.*

*Подойдя к благообразному старичку в косоворотке и тюбетейке, Коровьев изобразил искреннее удивление:*

*-Ба! Профессор, Илья Сысоич! Не ожидал, Какая честь. Какая честь!*

*Старичок заозирался, ища поддержки у соседей, которые сидели с молчаливым выражением непричастности. А Коровьев, тряся руку профессора, продолжал:*

*-Искренне рад встрече. Ваша последняя бесспорно эпохальная книга у мессира любимая. Удивительный труд. Уникальный: «Классификация числительных»! Безумно полезная работа. Леонардо да Винчи близко не стоял.*

*Запели фанфары, ударили барабаны, в воздухе повисли яркие надписи: «Классификация числительных», том 1, том 2... том 35.*

*Коровьев наклонился к самому уху профессора и в доверительном тоне тихо, на весь зал, спросил:*

*-Дорогой друг, позвольте полюбопытствовать. Тут, одна сволочь в трамвае говорила. Я - не верю, но говорят... Профессор ответьте нам, со всей партийной прямоотой: это правда, что на вашей кафедре профессор Боровский окочурился на аспирантке?*

*Профессор начал ловить раскрытым ртом воздух и сложилось впечатление, что еще мгновение, и он отправится вслед за своим коллегой:*

*-Нет, нет.. это несчастный случай, ничего общего... Навет...Поклеп... Грязные слухи... Происки врагов...*

*-Но вы не такой...- Коровьев оглядел профессора, одобрительно похлопав его по хлипкому плечу – Вы, конечно, не такой... вы совсем не похожи на коллегу Боровского - вы-то ведь не ни разу не померли...*

*Коровьев пожал руку профессору, находящемуся в полуобморочном состоянии – Отдыхайте, Илья Сысоич. Развлекайтесь! И кипа порнографических журналов осыпала профессора и его соседей.*

*А кот наметил себе нового собеседника:*

*-Максим Максимыч! Дорогой! – обратился он к тщедушному человечку с явными признаками неумеренного употребления спиртного на мясистом носу.*

*-Поэт ты наш детский! – кот, кажется, воистину был рад встрече с Максимом Максимовичем Муховым, руководителем секции детского стихосложения МАССОЛИТа.*

*-Как тебя порой нам не хватает, - кот изобразил сожаление: - Еще котенком я открыл для себя твои творения, можно сказать, вырос на них. Ну, как я могу забыть твое славное, пронизанное искрометной партийностью, творчество, цементирующее неокрепшую душу.*

*Кот заложил одну лапу за спину, вторую выдвинул вперед и, раскачиваясь, в манере поэта прочитал:*

*-Это что за большевик,  
Лезет к нам на броневик,  
Он простую кепку носит,  
Букву «р» не произносит... Прекрасно.*

*И обращаясь к Мухову, добавил искренне:*

*-Без дураков – очень сильно. И всё это детям, детям, только детям...*

*Смахнув нечто, должное означать набежавшую слезу, кот приподнял Мухова, нежно и заботливо поправил узел его, никогда не развязываемого, галстука, и продолжил:*

*-Мы и для тебя организовали кое-чего по части вопиющей бездуховности. Хватит тебе, Максим Максимович, по съемным квартирам шляться, игорные притоны устраивать.*

*Бегемот что-то сделал, и яркое, играющее огнями, переливающееся красками неона, казино предстало перед ошарашенным пиитом.*

*-Играй, любезный! Куда только деньги складывать будешь? – Кот мягко подтолкнул Мухова к входу, да тот особо и не сопротивлялся.*

*Через мгновение мы видим Коровина, сопровождающего по продуктовому Супермаркету полного, со следами подагры партийца, мертвой хваткой сжимающего авоську с малюсеньким пакетиком еды, завернутой в грязно-коричневую бумагу.*

*Он испугано озирается, впервые увидев такое разнообразие продуктов и напитков во всех мыслимых и немыслимых вариантах, а, заметив колбасу диаметром больше метра, пытается встать на колени и перекрестить сначала себя, а потом и её. Коровин поднимает его и заботливо подводит к прилавку. Вынимая его «харч» и вкладывая в авоську продукты из Супермаркета он сопровождает этот процесс своими комментариями:*

Аполлон Псоич, дорогой, не стесняйтесь, возьмите что-нибудь для вашей подруги. Она будет рада. Вы не пожалеете. Заодно я открою вам секрет сексуальности и половой активности итальянских женщин. Вы любите женщин Италии? – *Коровин приобнял проходящую мимо миловидную и сексапильную продавщицу, явную представительницу Апенинского полуострова.*

*Случайный посетитель глотал открытым ртом воздух и дико вращал глазами:*

-Кого?...

-Итальянок, сицилианок, римлянок, венецианок... Кто вам нравится больше? Только не говорите мне, что это неаполитанки, я этого не переживу!

-Неаа... - *ответ прозвучал скорее не из горла, а из живота.*

*Коровин продолжал:*

-Так вот, я просто взял и спросил их: «Какие продукты качественно улучшают секс?». – *При слове «секс» посетитель вздрогнул и заозирался.*

-И что бы вы думали? Четверть итальянок заявили, что лучше всего на секс влияет салями. *Коровин выложил плавленый сырок «Дружба и положил в авоську салями, предварительно показав колбасу Аполлону Псоичу и дав ему её понюхать. На лице дегустатора отразилось неземное блаженство, Коровин продолжал:*

-Чуть меньше итальянок считают, что только сыр, настоящий сыр из Таскании, способен разжечь нешуточную средиземноморскую страсть.

*Сыр в яркой красивой упаковке заменил банку кильки в томатном соусе с грязной порванной этикеткой.*

-В числе других продуктов, разжигающих либидо, дамами упоминалось ризотто аля миланезе, приправленное шафраном, – *на лице Аполлона Псоича было написано полнейшее отсутствие всякого присутствия* - а также овощи приготовленные а ля натурель, – так считает каждая десятая из прелестниц Италии.

-И действительно, - *Коровин, придерживая Аполлона Псоича, продвигал его к прилавкам с деликатесами* - острые колбасы, такие как салями, способствуют повышению кровяного давления, а перчик «Чили», присутствующий в них, способствует выделению пептидов в желудке. Все это вызывает такое либидо... такое либидо... - *Коровин закатил глаза и мечтательно заулыбался...*

*Очнувшись от наваждения, Коровин продолжил:* А кстати! Никто еще не опроверг старую теорию о том, что качество сексуальных утех повышают хорошее французское шампанское и, конечно же, свежие устрицы.

*И перечисленные продукты заняли в авоське место, ранее предназначавшееся для половинки черной булки с уже отщипнутым от нее кусочком.*

*Одуревший от всего произошедшего Аполлон Псоич вышел на середину торгового зала, и еще раз обзрев полки, ломящиеся от снеди и питья, громко крикнул:*

*-Ох, и сволочь же был этот Владимир Ильич...*

*В районе казино возникло какое-то оживление, и Коровин, оставив своего подопечного, продолжать попытки сообразить, что же с ним произошло, направился туда, обзревая по пути рекламные растяжки, бары и рестораны, салоны красоты, тату, киоски с порнографией...*

*Проходя мимо старушки, неудачно пытавшейся предотвратить нашествие партийных активисток в магазин белья и платья, понуро, сидевшей в углу, низко опустив голову, Коровин, остановился и бросил ей в подол монетку.*

*-Эй, пахан, врубись - взвизнул один из сидящих за карточным столом в казино, обращаясь к проходящему мимо Коровину, и показывая на своего соседа по столу - а этот рыжий гад мухлюет всюю!*

*-Это практикой партийного строительства не возбраняется, - важно ответил Коровин – при сочетании обычного уровня имманентно присущей творческим индивидам партийности и на скорую руку благоприобретенной духовности, такое явление представляется не только неизбежным, но даже типичным...*

*При этом Коровин вытащил из-за шивороты пиджака обратившегося к нему мужчины, шестерку бубен, превратил её тут же в пикового туза и с некой элегантностью, вставил между теми картами, которые уже находились на руках инициатора дискуссии, образовав при этом «флеш-рояль». Получил в ответ:*

*-Гранд мерси!*

*И игра, перемежаемая криками, взаимными обвинениями, ругательствами и хватанием друг друга «за грудки», продолжилась.*

*Здесь же Коровин был атакован другим посетителем казино. С трудом, снимая обручальное кольцо с толстого пальца, он жалобно обратился к нему:*

*-Братан, купи. За червонец отдам.*

*Коровин посмотрел кольцо, вернул его владельцу и сказал:*

*-Вам, дорогуща, вон туда, - показав, на огромную вывеску: «Кредитное бюро» и ниже помельче: «Кредиты всех видов под залог партийных билетов».*

*Бросившийся в указанном направлении соискатель кредита, обнаружил там миленькую особу, восседающую за конторкой, по всему периметру которой крупными синими буквами было написано: «Банк «Передовой Авангард – БПА».*

*Сотрудница взяла протянутый ей партийный билет. Что-то стала записывать, но, затем поднесла его ближе к курносому носу, сморщила*



его, и внимательно посмотрев на посетителя, то ли спросила, то ли вынесла заключение:

-Вы алкоголик (?,!)

*Соискатель кредита виновато понурился:*

-Да нет, что вы... Это у нас секретарь партийной ячейки, сильно на штамп дышит – он сжал кулак и показал, как это происходит, - когда отметку об уплате членских взносов делает...

*Девушка понимающе обаятельно улыбнулась, и протянула посетителю деньги, которые он, распахивая по карманам, бегом понес, расталкивая уже образовавшуюся очередь к конторке банка БПА, в казино...*

*Коровьев и Бегемот наблюдают за происходящим со сцены, развалившись в противоположных углах огромного кресла. Сцена стала совсем маленькой по сравнению в залом, который не только многократно увеличился в диаметре, но и значительно разросся вниз и вверх. Вновь образовавшиеся ярусы заполнились разными увеселительными и торговыми заведениями, привлекающими толпы бродящих около них творческих активистов.*

-Вот так, - сказал кот, похлопав лапами, как ладошами: - Славненько.

-Да, - согласился Коровьев, назидательно прибавив: - Рыба клюёт, когда её ловят; если рыбу не ловят - она не клюёт.

-Контрольный тест? – Бегемот скосил глаз на Коровьева, тот утвердительно мотнул головой.

*Кот набрал в глотку побольше воздуха и хорошо поставленным голосом дьякона пропел на церковный манер, подобно тому, как на праздничных демонстрациях озвучивались призывы:*

-Творческие активисты Москвы и окрестностей, за дело партии будьте готовы...!

*Застигнутые, кто где: за рулеткой в казино, на кровати в борделе, в примерочной магазина... все активисты на прозвучавший запрос, тот час же выдохнули:*

-Всегда готовы!!!

-Аминь... – с укоризной пропел кот.

-Или стесняются или кокетничают – заключил после некоторой паузы Коровьев: - Пора заканчивать этот балаган. *И* *скомандовал:* - Запевай!

*И почти мгновенно все присутствующие оказались построенными в несколько каре «б на 8», и, кто во что горазд, запели:*

Раскинулось море широко,

И волны бушуют вдали.

Товарищ, мы едем далёко -

Подальше от нашей земли...

*Они шагали к выходу спиной, совершая при этом движения по ленинскому принципу: «шаг вперед, два шага назад», в такт песне,*

*выбрасывая, на манер хунвейбинов, правую руку с партийными билетами вверх и в сторону.*

*-Товааиш, я вахты не в силах стоять - солировал Киришон, Обращаясь к Афиногенову, действительно находясь в полукоматозном состоянии, и на что Афиногенов вполне резонно отвечал ему:*

*Ты, вахты не кончив, не смеешь бросать,*

*Механик – он глазами показал на кота, смотревшим на происходящее со сцены с видом рассерженного льва, - тобой недоволен.*

*Ты к доктору должен пойти и сказать,*

*Лекарство он даст, если болен.*

*И хор подхватил:*

*Ты к доктору должен пойти и сказать,*

*Лекарство он даст, если болен.*

*У выхода всем выстроившимся было очень удобно заходить задом в подъехавшие грузовики «полуторки», с откинутыми бортами. Как только машины оказались заполнены творческими активистами всех мастей, одетыми в сногшибательные комбинации из произведений «Моссельпрома» и ведущих модных домов Европы и Америки, они тихо тронулись, и над вечерней Москвой раздалось громкое и печальное:*

*Напрасно старушка ждёт сына домой,*

*Ей скажут - она зарыдает.*

*А волны бегут от винта за кормой,*

*И след их вдали пропадает.*

*Пришедшая вечером следующего, после расставания с Мастером, дня, Маргарита безуспешно попыталась попасть в комнату Мастера.*

*Отчаявшись в своих попытках, она вышла на улицу и села на скамейку.*

*Неожиданно она заметила, что на этой скамейке сидит еще кто-то. Сосед оказался маленького роста, пламенно-рыжий, с клыком, в крахмальном белье, в добротном полосатом костюме, в лакированных туфлях и с котелком на голове. Галстук был яркий. Из кармашка, где обычно мужчины носят платочек, у этого гражданина торчала обглоданная куриная кость.*

*Маргарита сделала попытку уйти, но голос рыжего её остановил:*

*-Здравствуйте, Маргарита Николаевна!*

*Маргарита удивилась:*

*-Вы меня знаете? – спросила она, более внимательно взглядываясь в своего уличного собеседника.*

*Вместо ответа он снял котелок и взял его на отлет.*

*-Я вас не знаю, - сухо сказала Маргарита.*

*-Откуда ж вам меня знать! А между тем я к вам послан по делу.*

*Маргарита побледнела и отшатнулась:*

-Вы меня хотите арестовать?

-Ничего подобного, - *воскликнул рыжий*, - что это тут у вас такое происходит: раз заговорил, так уж непременно арестовать? Просто у меня есть к вам дело.

-Ничего не понимаю, какое дело?

*Рыжий оглянулся и сказал таинственно:*

-Меня прислали, чтобы вас сегодня вечером пригласить в гости.

-Что вы бредите, какие гости? К кому?

-К одному очень знатному деятелю, - *значительно сказал рыжий, прищурив глаз.*

*Маргарита отшатнулась:*

-Новая порода появилась: уличный сводник, - *сказала она, поднимаясь, чтобы уйти.*

*Рыжий проворчал в спину уходящей Маргарите:*

-Дура!

-Мерзавец! - *отозвалась та, не оборачиваясь, и тут же услышала за собой голос рыжего:*

-В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат...

*Обернувшейся Маргарите уличный незнакомец сказал:*

-Так обнимайтесь с вашей обгоревшей тетрадкой! Сидите здесь на скамейке одна и теребите свои воспоминания!

*Побелев лицом, Маргарита вернулась к скамейке. Рыжий глядел на нее, прищурившись.*

-Я ничего не понимаю, - *тихо заговорила Маргарита Николаевна*, - Эта часть романа не сохранилась, и потом, как вы могли узнать мои мысли? - *она страдальчески сморщилась и добавила:* -Скажите мне, кто вы такой? Из какого вы учреждения?

-Вот скука-то, - *проворчал рыжий и заговорил громче и четче:*

-Я ведь вам сказал, что ни из какого я не из учреждения! Сядьте, пожалуйста, сделайте милость.

*Маргарита беспрекословно повиновалась, но все-таки, садясь, спросила еще раз:*

-Кто вы такой?

-Ну, хорошо, зовут меня Аззелло, но ведь все равно вам это ничего не говорит.

-А вы мне не скажете, откуда вы узнали про всадника Пилата и про мои мысли?

-Не скажу, - *сухо ответил Аззелло.*

-Но вы что-нибудь знаете о нем? – *моляще шепнула Маргарита.*

*Аззелло покосился на Маргариту:*

-Ну, скажем, знаю.

-Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте, скажите...

-Ну, жив, жив, - *неохотно отозвался Азазелло.*

-Слава Богу!

*Азазелло скривился:* - Пожалуйста, без волнений и вскрикиваний.

-Простите, простите, - *бормотала покорная теперь Маргарита*, -я, конечно, рассердилась на вас. Но, согласитесь, когда на улице приглашают женщину куда-то в гости... Поймите, это же неприлично... Что скажут люди?... Ведь я его совсем не знаю.

*Азазелло с видимой скукой выслушал эту бессвязную речь и сказал сурово:*

-Прошу вас минутку помолчать.

*Маргарита покорно замолчала.*

-Начнем с того, что вы его знаете,...и всем он прекрасно известен. Его любят и ненавидят, ему посвящают стихи, песни и картины, поэмы, симфонии и кинофильмы...

*Не дав рыжему закончить фразу, Маргарита с ужасом заключила:*

-Я знаю, знаю..., это - Сталин. *И она вновь горько зарыдала.*

-Да нет, что вы, какой Сталин? Успокойтесь вы, наконец! Вас приглашает иностранец.

*Слезы мгновенно прошли.*

-А зачем я ему понадобилась? - *вкрадчиво и с кокетливым любопытством спросила Маргарита.*

-Об этом - позже.

-Понимаю... Я должна буду ему отдаться, - *сказала Маргарита задумчиво, сложив руки на коленях и уже, кажется, смирившись с такой перспективой.*

*Азазелло, внимательно оглядев Маргариту, как-то надменно хмыкнул и ответил:*

-Эка, вы губы-то раскатали. Любая женщина в этом мире, могу вас уверить, мечтала бы об этом, - *рожу Азазелло перекосило смешком*, - но я вас сильно разочарую: этого не будет.

-Что же это тогда за иностранец такой?! - *в недоумении воскликнула Маргарита так громко, что на нее обернулись проходившие мимо скамейки*, - И какой мне интерес идти к нему?

*Азазелло наклонился к ней и шепнул многозначительно:*

-Ну, интерес-то очень большой. Будет Бал, а вы на нем будете королевой.

-Я - королевой? Почему, с какой стати? - *Маргарита и хотела, и не хотела быть королевой.*

-Потому, что таким образом вас отметят, ...наградят.

-Наградят? За что?

-Потом поймете..., может быть...

*Маргарита вся напряглась:*

-Не хочу быть никакой королевой и награды ваши непонятные мне не к чему...

*Азазелло бросил главный козырь:*

-У вас будет возможность, вы сможете воспользоваться случаем...

-Что? - воскликнула *Маргарита*, и глаза ее округлились, - если я вас правильно понимаю, вы намекаете на то, что я там могу узнать о нем?

*Азазелло* покивал головой в разные стороны, что само по себе могло означать: «Возможно».

-Еду! - с силой воскликнула *Маргарита* и ухватила *Азазелло* за руку, - еду на бал, еду куда угодно!

-И королевой будете?

-Буду!

*Азазелло*, облегченно отдуваясь, откинулся на спинку скамейки, и сказал с иронией:

-Трудный народ эти женщины! - он засунул руки в карманы и далеко вперед вытянул ноги, - и зачем, например, меня послали по этому делу? Пусть бы ездил Бегемот. Он обаятельный...

-Так едете? – окончательно подвел итог затянувшейся беседы *Азазелло*.

-А в чем я поеду? - ответила *Маргарита Николаевна*: - может быть у меня и наряда подходящего просто нет.

-Вот это уже деловой разговор. Одевать-то, правда, особо ничего не придется.

-А как я поеду, где он будет, этот бал? – *Маргарита* уже сжилась с мыслью о бале.

-Сейчас все узнаете, - сказал *Азазелло* и полез в карман пиджака. Но вместо ожидаемой *Маргаритой* бумаги, он вынул из кармана круглую золотую коробочку, протянул ее *Маргарите* со словами:

-Извольте получить.

-И что с этим делать, - спросила *Маргарита*, открывая коробочку и с опаской пробуя пальцем, находящуюся в ней мазь

-Мазать.

-Что?

-Все. – сказал *Азазелло*.

*Маргарита* посмотрела сначала на *Азазелло*, а потом на мазь и спросила:

-А зеркало у вас есть.

-Конечно. – *Азазелло* чем-то щелкнул и лужа, оставшаяся после вчерашнего дождя встала торчком, превратившись в большое элегантное зеркало.

-Это ничего, что прохожие смотрят? – спросила *Маргарита*.

-Ничего, - ответил *Азазелло*, и прохожие как-то сразу исчезли.

*Кончиком пальца Маргарита* выложила небольшой мазочек крема на ладонь, и затем начала втирать крем в лоб и щеки. Крем легко мазался и, тут же испарялся. Сделав несколько втираний, *Маргарита* глянула в зеркало и бурно расхохоталась.

*Брови сгустились и черными ровными дугами легли над зазеленевшими глазами. Тонкая вертикальная морщинка, перерезавшая переносицу, бесследно пропала. Исчезли и желтенькие тени у висков, и две чуть заметные сеточки у наружных углов глаз. Кожа щек налилась ровным розовым цветом, лоб стал бел и чист. На тридцатилетнюю Маргариту из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати, безудержно хохочущая, скалящая зубы.*

*Одежда Маргариты скатилась с неё так же естественно, как скатывается вода.*

*Она зачерпнула легкий жирный крем и сильными мазками начала втирать его в кожу тела. Оно сейчас же порозовело и загорелось. Затем мгновенно мускулы рук и ног окрепли, а тело Маргариты потеряло вес. Она подпрыгнула и повисла в воздухе невысоко над землей.*

*-Ай да крем! Ай да крем! - закричала Маргарита.*

*-Вы готовы? – голос Аззелло вернул Маргариту в реальность.*

*-Я поняла, - радостно пропела Маргарита, - вы сделали из меня ведьму!*

*-Я?.. Сделал?.. Занятно. – Аззелло усмехнулся. -Как говорит мессир: «Поскреби любую женщину и обнаружишь в ней ведьму». Особо и стараться нет необходимости.*

*Он подал Маргарите руку и сказал: -Летим!. Нас уже ждут.*

*Легко оттолкнувшись, они полетели в сторону заката.*

*-А где же мое помело? – закричала Маргарита: –Мне без помела никак нельзя!*

*-Ну что ты будешь с этим делать? Начитаются всякой ерунды, и потом претензии предъявляют, - проворчал Аззелло, вручая ей метлу, не без сопротивления, отобранную у случайно оказавшегося на их пути дворника.*

*Гремит Бал.*

*Голая Маргарита стоит в центре, она в туфлях из лепестков бледной розы, с золотыми пряжками, в её волосах блестит королевский алмазный венец, а на груди большое в овальной раме изображение черного пуделя на тяжелой цепи. Опекаемая Коровьевым, Маргарита встречает гостей.*

*Играет огромный оркестр.*

*Танцы.*

*Над бальным залом, в вышине, с которой всё происходящее внизу видится игрушечным, в одиночестве сидит, облаченный в фиолетово-черные одежды, ниспадающие бархатными складками, Воланд.*

*Он, облокотившись на подлокотник огромного, черного гранита кресла, наблюдает за происходящим внизу. В свете полной луны видно, его, со следами вековой усталости, лицо. Его правый глаз - с золотой искрой на дне, сверлящий любого до дна души, а левый - пустой и черный, как узкое игольное ухо, как выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней. Лицо Воланда скошено на сторону, правый угол рта оттянут книзу, на высоком*

*облысевшем лбу прорезаны глубокие параллельные острым бровям морщины. Кожа на лице Воланда и желтая, и черная, и белая.*

*Пространство напротив Воланда начало понемногу светлеть. Рядом с луной появилось солнце, в лучах которого стало видно такое же, как у Воланда огромное, висящее над бездной кресло из белого мрамора. Из-за спинки кресла вышел Иешуа. Его белый, до голубизны, простой полотняный наряд полностью гармонирует с бледным лицом, на котором выделяются глаза, излучающие мягкий свет.*

-Вижу тебя, дух зла.

-Процветай, исчадие добра.

-Празднуешь победу.

-Не победу, нет, побойся Бога – *по мимолетной улыбке Иешуа было видно, что шутка состоялась - только выигрыш. Я ведь не могу победить, поскольку, как учишь ты: добро всегда побеждает зло. И бесстрастно, но и не без оттенка иронии Воланд продолжил:*

-Хотелось, очень мне хотелось бы посмотреть на окончательную победу в этом безмерно затянувшемся поединке. Взглянуть бы на царство безграничного добра, которое ты построишь, на моих останках. А то надоело мне это перетягивание каната: падший праведник - сюда, исправившийся грешник – туда. Рутинка.

*Воланд ждет начала разговора, но Иешуа молчит. Поэтому, выдержав паузу, Воланд продолжает:*

-Кстати, ты не знаешь, почему, как только эти...люди, начинают строить обещанное тобой царство свободы и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть, они создают такую власть, которая творит добро, в сравнении с которым моё самое изощренное зло сущая безделица.

-Знаю – *спокойно, но с горечью сказал Иешуа:* Потому, что ты лукаво проникаешь в самые основы добрых людских побуждений, оставляя от них лишь оболочку, выхолащиваешь суть.

-Да, да, известно ... Сладкая ложь – это я. А ложь во спасение – это уже ты? – *ухмыльнулся Воланд.* -Любовь к ближнему – это ты, а «любовь зла, полюбишь и козла» - это, конечно, я.

-Неужели ты ропщешь, князь тьмы?

-Хотелось бы узнать, что привело тебя сюда, источник святости.

-Я пришел, что бы поговорить с тобой о Мастере, светоч в котором был тобой коварно потушен.

-Я сделал свое дело. - *Воланд заговорил решительно и жестко:*- Да, я смирен – я признаю: у каждого, пришедшего в этот мир, и созданного тобой по твоему образцу и подобию, есть путь, которым достигается Высший предел. Но и у меня есть право его остановить. Оно дано мне изначально, потому, что без борьбы в мире нет самого главного – нет равновесия.

-Ты зарвался, поправ справедливость основ...

-Ты думаешь, что в отношении Мастера я был несправедлив, искусив его... Это не так. Не было в нем всей жизненной силы веры в добро, которая смогла бы отвратить его от признания в ненависти к плоду мысли своей. Искушение мое не всесильно, уж ты-то это знаешь... *-пауза и Воланд продолжил:*

-Я был несправедлив к той, которая любила и страдала из-за него? Да, я искусил его Маргаритой. Её любовь была моим оружием. Но ведь без меня у неё не было и тени, намека на возможность ощутить себя счастливой. Её удел был - умереть сытой и скучной. А так... Её полюбили... о ней заговорят... её не забудут... Я дал ей шанс.

-Ты дал шанс себе, искуситель, коварно преодолев справедливую логику происходившего...

*Воланд знает то, что говорит:* - А справедливости в этом мире нет. Есть только тот уровень несправедливости, переходить который нельзя. Даже мне. Я об этом помню.

-И еще кое о чем тебе надлежит не забывать... Равновесие в этом мире, это еще далеко не все. Расшатывая основы добродетели, засыпая источники, питающие силы добра, ты создашь породу людей, которые начинают бороться против естества. Они истово отвергают естественный ход событий. Они коварством и силой, утверждают в мире людей представления о добре и зле, которые подчинены их же желаниям добра себе, именно и только себе. И это уже не добро даже для них: это страшный яд - себялюбивое добро.

Мастер нёс живущим тревожащую его мысль об этом. А ты сломал его, как ломают быстрее всех устремившийся к солнцу росток.

Ты повелеваешь тенями, но ты не властен над теми, кто рвет все, что связывает их с естеством. Семя их не дает ростка жизни, лоно их холодно и пусто. В этом нет ни хорошего, ни плохого. Это не любовь, но это и не ненависть. Так возникает иное.

Скрываясь за скороговоркой или молитвы, или хулы, именем или твоим, или моим, творят они нечто. Но это не добро и не зло. В содеянном ими уже нет ни меня, ни тебя. Но появляется третий. Он отвоевывает себе место и у меня, и у тебя. В нем вместе слито все: что зарождается, то в нем же и гибнет.

Имя ему - ХАОС.

Думай об этом и содрогнись.

*Иешуа и Воланд смотрят вниз. Под их креслами, где-то в бесконечной дали, кипит океан. Он безбрежен, он буйствует. Нет ни Солнца, ни Луны, лишь одно его, океана, фосфорицирующее свечение.*

*И только маленький, крошечный огонек, возникает где-то сбоку. Взгляды Вершителей Добра и Зла устремляется к нему. Огонек растет, и это уже милый уголок на берегу теплого моря. В прекрасном саду за столом, заваленным книгами и рукописями, сидят постаревшие Мастер и Маргарита.*



*В руках у нее большая книга, Маргарита читает Мастеру вслух:*

*- Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над хаосом, - Маргарита отстраняется от книги и с обожанием смотрит на Мастера.*

*-Мастер подумал и пишет, вслух читая написанное им:*

*-И все возвращается на круги своя.*

*Сергей Тимофеев,  
Геленджик, июнь 2007 года*